

Запретный выраж

№2

Дарси Финн

18+

Дарси Финн

Запретный вираж

Серия «Добро пожаловать
в Сиэтл», книга 2

<https://litres.ru/74266134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кендалл

Занять пост главного инженера в Формуле-1 нереально, если твой пилот — Роуэн Грекхэм. Этот самовлюбленный четырехкратный чемпион мира наотрез отказывается мне подчиняться и делает все, чтобы разрушить мою карьеру. Но наша война на трассе незаметно перерастает в тайные прикосновения, грязный шепот по радио во время гонки и жаркие поцелуи в пустом гараже. Вот только если об этой запретной связи узнает руководство — моей карьере придет конец.

Роуэн

Отец научил меня не доверять людям, и эта жесткость принесла мне четыре титула. Но когда в команде появляется Кендалл Хартман, она приводит к победе моего напарника, а не меня! Она считает себя моим боссом, но она слишком правильная, чтобы командовать мной, однако... когда мое упрямство оборачивается крахом, а ее холодный расчет спасает

мою гонку — я больше не могу ее игнорировать. Я хочу ее всю — для своих побед и в своей постели, даже если она заставит меня отдать ей не только мой болид, но и мое сердце.

Содержание

От автора	5
Пит-стоп №1. Роуэн	7
Пит-стоп №2. Кендалл	14
Пит-стоп №3. Роуэн	28
Пит-стоп №4. Кендалл	43
Пит-стоп №5. Кендалл	58
Пит-стоп №6. Роуэн	66
Пит-стоп №7. Кендалл	80
Пит-стоп №8. Роуэн	90
Пит-стоп №9. Роуэн	103
Пит-стоп №10. Кенд	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Дарси Финн

Запретный вираж

От автора

Ту-ду-ду-ду...

Дисклеймер

Перед тем как вы начнете читать, мне хочется прояснить один важный момент. Действие книги происходит в мире Формулы-1, но я намеренно сделала профессиональный сленг простым и понятным. Если у вас возникнет желание написать в отзыве, что автор, *например*, путает термины и пишет «машина» вместо «болид», пожалуйста, вспомните про английский сеттинг. Реальные пилоты и инженеры почти всегда говорят именно *car*, а не используют сложные технические обозначения. Поэтому те, кто совсем далек от автоспорта, могут не переживать: это будет легкое и комфортное знакомство с гонками, а все непонятные слова я просто объясняю прямо по ходу сюжета.

При этом расписание чемпионата остается полностью реальным. Весь гоночный уикенд идет строго по регламенту: в четверг пилоты общаются с прессой, в пятницу и субботу проходят тренировки и квалификация, а в воскресенье — сама гонка. Летние перерывы в сезоне, география трасс и

даже погода соответствуют настоящему календарю Формулы-1, а некоторые детали позаимствованы из реальной жизни. И все же не забывайте, что это *художественный вымысел, созданный ради вашего удовольствия*. Поэтому, пожалуйста, давайте уважать чужой труд и просто будем друг к другу чуточку добрее.

Приятного чтения!

Пит-стоп №1. Роуэн

Мельбурн, Австралия

Шестнадцатое марта

Атмосфера нашего бокса — просторного гаража, где механики собирают болиды, а инженеры сутками следят за телеметрией — сейчас буквально душит меня. Здесь, на трассе в Мельбурне, воздух пахнет жженой резиной, бензином и чужим триумфом. Я стою в самом темном углу своей половины гаража, вцепившись мертвой хваткой в край длинного пластикового стола, и не свожу яростного взгляда с центрального монитора под потолком, где на экране в прямом эфире транслируется финальный круг Гран-при.

Мои челюсти сжаты до глухого скрежета, а внутри все клокочет от бессильной, выжигающей злости. Я позорно сошел с трассы всего через десять минут после старта и теперь вынужден наблюдать за гонкой со стороны, как обычный зритель, но... сильнее всего меня бесит то, что Митчелл МакРей — мой лучший друг с пяти лет, второй номер в «Синих пантерах» и человек, который должен прикрывать мне спину — первым летит к финишу. Он вот-вот заберет свой первый подиум в новом сезоне, пока я — четырехкратный чемпион мира — стою здесь как будто и не участвовал в гонке.

Внутри меня пылает глухая, удушливая ярость, и в груди

снова оживает проклятое детское ощущение полной беспомощности. Точно такое же, какое я чувствовал каждый раз, когда отец в наказание за любую неудачу на картодроме запер меня в тесном, темном багажнике своего автомобиля. Я ведь поехал по собственным настройкам, которые всегда приносили мне победы, но сегодня они не сработали и...

Я снова поднимаю глаза на мерцающие экраны, и в эту секунду чертов Митч пересекает финишную черту. Моя половина боксов мгновенно погружается в тяжелую, звенящую тишину, в то время как за тонкой пластиковой перегородкой, в соседнем гараже МакРея, все взрывается триумфальным, оглушительным ором и победными криками механиков.

Мало того, что мой лучший друг выиграл эту гонку, так еще и умудрился поставить новый рекорд по скорости прохождения круга, который до этого принадлежал мне. Не контролируя себя от удушающей злости, я со всей силы смахиваю свой тяжелый гоночный шлем со стола, и он с грохотом катится по грязному бетонному полу бокса. В ту же секунду из соседнего гаража к нам спокойно заходит Кристиан Хэйз, и он ни капельки не удивлен моим поведением.

Он думает, что раз занимает пост исполнительного директора легендарной команды и когда-то забрал меня под свое крыло, то мы вроде как породнились. Он уверен, что имеет надо мной какую-то особую, почти родительскую власть, может легко контролировать мои вспышки гнева и делать вид, будто искренне печется обо мне, а не о тех миллионах дол-

ларов, которые я ежегодно приношу его бренду, но... все это кажется мне гребаной, фальшивой ложью. Хэйз никогда не был моим спасителем — он лишь защищал своего старого друга и сокомандника, с которым они вместе когда-то покоряли Формулу-1 — моего отца. Поэтому я понятия не имею, какого черта он о себе возомнил, хотя где-то глубоко внутри ворочается глухое понимание, что Хэйзу действительно не плевать на мою шкуру, просто... я давно разучился верить людям.

— Тебе лучше переодеться и вернуться в отель, Роуэн, — как ни в чем не бывало бросает Кристиан, делая ленивый глоток своего кофе из бумажного стаканчика.

— А тебе — лучше заставить мое чертово корыто ехать быстрее.

— Уверен, Гэри прикладывает все усилия...

— Этого недостаточно! — выплевываю я ему прямо в лицо. — Какого черта Митч обходит меня?! Он должен прикрывать меня, а не обгонять на полтора круга!

— Как только ты начнешь обходить его на два — он обязательно сделает это, но, а пока...

— Ты мать твою издеваешься?! Это нарушение моего чертова контракта! Я — первый номер! Я! А не Митч!

Кристиан наконец медленно отрывается от мерцающих мониторов телеметрии и поднимает на меня глаза. В его взгляде всего на секунду мелькает что-то похожее на жалость или горькое разочарование, будто он искренне сожалеет о

том, что вообще когда-то ввязался в эту историю со мной, но... он лишь тяжело, устало выдыхает, пока ярости во мне становится только больше. Мне не нужна его чертова жалость — мне нужен мой пятый титул чемпиона мира, и ничего больше.

— Не тебе говорить мне о нарушении контракта, Грекхэм. Он холодно называет меня по фамилии, и мои кулаки тут же сжимаются сами собой: Кристиан использует ее только тогда, когда для споров больше не остается места и он действительно злится на меня. Или на моего отца.

— Тебе были предложены новые инженеры, — спокойно продолжает Хэйз, — идеальные настройки болида под каждую новую трассу, погоду, твоё чертовое настроение и стиль вождения, но что ты в итоге сделал? Дайка напомним... послал всех к чертовой матери.

Мое тело мгновенно напрягается, спина каменеет, а дыхание перехватывает от его резких слов. Хэйз действительно зол, но даже это не идет ни в какое сравнение с тем кошмаром, который устроил бы мне на его месте отец.

— Пересчитать, сколько пунктов в собственном контракте нарушил ты?

— Это ничего не меняет, — глухо выплевываю я, отворачиваясь к стене.

— Ага, скажи это Митчу, который берет подиум и бьет твои рекорды.

В гараже вокруг нас тут же начинают тихо перешептывать-

ся механики, и этот шумок отчетливо слышен даже сквозь рев трибун на улице.

— Наш главный инженер чертовски хорошо справляется со своей работой, Роуэн. Мы — единственные, кто выдает результаты и не жалуется на новые правила, так что прекрати искать виноватых и обратись за чертовой помощью.

Хэйз резко разворачивается и уходит обратно в бокс Митча: через открытые рабочие проемы я вижу, как он собирает вокруг себя толпу наших механиков, и они шумной, веселой гурьбой вываливаются на пит-лейн — специальную асфальтированную дорожку перед гаражами, где болиды останавливаются для смены шин. Там, прямо у маркировки первого места, Митч уже вовсю выпрыгивает из своего болида и триумфально летит прямо на руки ликующей команды, в то время как мой собственный бокс пустеет за считанные секунды, оставляя меня в полной темноте один на один с моим сокрушительным провалом.

Вокруг меня буквально зависает гробовая, удушающая тишина. Оставшиеся в боксе инженеры моей бригады судорожно стараются казаться невидимыми, утыкаясь в свои мерцающие мониторы и боясь издать даже малейший вздох, чтобы случайно не попасть под горячую руку моей ярости, но...

— Кто здесь чертов главный инженер?!

Я рывкаю на весь бокс так громко, что эхо моментально бьет по ушам и отражается от металлических стен, но никто

из присутствующих так и не решается ответить мне словами. Механики лишь молча, боязливо косятся в сторону шумного пит-лейна: я медленно прослеживаю за их взглядами и внезапно замираю, замечая в толпе ликующих Митчелла, который восторженно и невероятно крепко обнимает какую-то девушку.

Я вглядываюсь в ее тонкий силуэт и мое дыхание на секунду перехватывает от удивления. Ее густые волнистые волосы завязаны в высокий, немного небрежный хвост, открывая красивую шею. У нее удивительно пухлые, мягкие губы и большие голубые глаза, которые светятся от радости: она смеется в его объятиях — искренне, тепло, без тени того привычного флирта и лукавства, к которому я привык со стороны девушек в гоночном мире. На ней обычная командная униформа «Синих пантер», которая кажется на ее хрупкой фигуре на пару размеров больше, а толстые очки, прикрывшиеся на переносице, немного скрывают ее умный взгляд. Она совсем не похожа на тех размалеванных моделей, которых ты обычно видишь в паддоке — закрытой зоне для команд, прессы и VIP-гостей за пределами гаражей. Она кажется удивительно... обычной.

Но по тому, как неуверенно, почти робко она держится среди празднующей толпы, и как другие мужчины-инженеры и механики недовольно, с явным предубеждением косятся на нее, до меня наконец доходит очевидная вещь. Эта девчонка работает в нашей команде далеко не первую неделю,

но тогда почему я все это время ничего не знал о ее существовании? Какого черта она и есть тот самый гениальный главный инженер, и почему она все это время так успешно избегала меня и демонстративно игнорировала мое присутствие?

Пит-стоп №2. Кендалл

Мельбурн, Австралия

Шестнадцатое марта

Я стою на самом краю забитого людьми пит-лейна, полностью оглушенная победными, несмолкаемыми криками нашей команды. Митч только что блестяще выиграл гонку, попутно установив новый рекорд скорости, и все это — благодаря моим точным расчетам, которые сработали безупречно. По всем правилам я должна чувствовать чистый, искрящийся восторг и законную гордость за проделанную работу, но... вместо этого внутри меня медленно расплзается горькая, холодная пустота.

Потому что проходя мимо ярко освещенной зоны флэш-интервью, я отчетливо слышу, как наши механики и инженеры-мужчины увлеченно раздают комментарии обступившим их журналистам, где они наперебой хвалят отличную погоду, невероятную удачу Митча, слаженную работу «парней из боксов» и никто из них даже на секунду не заикается о моем существовании.

Но я отлично знала, на что шла, подписывая этот контракт. В автоспорте, который веками считался исключительно мужским закрытым клубом, женщине приходится работать в миллиард раз упорнее и жестче, чтобы просто получить право занять руководящий пост. А когда ты наконец

его получаешь — за твоей спиной тут же начинают грязно шептаться, что ты спишь с кем-то из высшего руководства, сидишь на своем месте ради красивой пиар-картинки или вообще получила должность из жалости. Благо моя личная стратегия защиты успешно выверена годами: чем меньше внимания к себе как к *девушке* привлекаю, старательно прячась за бесформенным, огромным командным комбинезоном и очками в массивной оправе, тем в большей безопасности я нахожусь как *специалист*.

Этот инстинкт самосохранения выработался во мне автоматически еще в раннем детстве, когда одна моя фамилия весила в обществе гораздо больше, чем мое собственное имя. Мой отец, легендарный Фрэнк Хартман, был профессиональным, знаменитым хоккеистом, а старший брат Астер придал своему имени вес быстрее, чем я успела окончить школу, став успешным капитаном «Сиэтловских штормов». Жить в их постоянной, огромной тени было порой просто невыносимо, хотя родители никогда нас не сравнивали и без лишних вопросов позволили мне уехать в Европу к бабушке с дедушкой, чтобы я могла исполнить свою мечту, но... окружающие люди всегда пытались дружить со мной исключительно ради собственной выгоды: выпросить личный номер Астера, получить бесплатную тренировку с отцом или выставить свои любительские работы в галерее моей мамы, Эйлин Хартман. Именно поэтому я слишком быстро привыкла быть незаметной, чье настоящее имя никого по-настоящему

не волнует.

Наверное, именно из-за этой привычки держать дистанцию я так быстро и легко нашла общий язык с одним из своих пилотов. Митчелл МакРей как раз дает очередное интервью телеканалу Скай Спортс, и выглядит он при этом чертовски эффектно, дико и по-хорошему грубо. У него красивое, мужественное лицо с сильной челюстью, густые брови и обезоруживающий взгляд с легкой ухмылкой. Он стоит передо мной в одном лишь белом, плотно обтягивающем термобелье, а его темно-синий гоночный комбинезон небрежно спущен на бедра и крепко завязан рукавами на поясице. Его каштановые волосы насквозь мокрые от липкого пота и дорогого шампанского, а на лице вместо триумфальной улыбки блуждает опасное, едва скрываемое раздражение — потому что вместо того, чтобы праздновать свою победу, он вынужден говорить о своем друге.

— ...реагирует Грекхэм на ваш прорыв?

— Мы всегда умели разделять работу и наши взаимоотношения вне трассы, — уверенно заявляет Митч репортеру, и это звучит так твердо, будто он даже не пытается врать, — поэтому это не проблема. У нас разные планы и цели на этот сезон, мы работаем с разными инженерами и механиками, но...

— То есть теперь вы — любимчик «Синих пантер»? Кристиан Хэйз сменил приоритеты?

— В «Синих пантерах» никогда не было любимчиков.

Каждый исполнял свою роль и каждый был с нею согласен. В этом году наш главный инженер...

— Кстати, кто *он*?

Журналист в очередной раз бесцеремонно перебивает Митча на полуслове, и я отчетливо вижу, как желваки на лице МакРея сжимаются от едва сдерживаемой, глухой ярости. Он делает медленный, глубокий вдох, и его широкие плечи ощутимо напрягаются под мокрой тканью термобелья.

— *Ее*имя — Кендалл Хартман, — уверенно отчеканивает Митч, — и я советую вам его запомнить.

Краем глаза он тут же замечает проходящего мимо Кристиана Хэйза, бесцеремонно хватает его за плечо и ловко меняет их местами перед объективом камеры.

— Уверен, мистер Хэйз с удовольствием поделится с вами ее гениальностью, верно, босс?

— Оо, Кендалл действительно шикарна...

Митч по-дружески хлопает исполнительного директора по плечу и быстро скрывается в празднующую толпу подальше от назойливых камер. Я задерживаюсь в проходе на пару секунд, позволяя теплым словам Кристиана согреть меня изнутри, потому что он чертовски искренен, и это приносит мне мимолетное облегчение, которое тут же привычно сменяется старой горечью.

Только Хэйз и Митч видят во мне реального профессионала своего дела — для остального паддока, этой огромной закрытой территории с моторхоумами и бесконечными тол-

пами гостей, я остаюсь лишь нелепым недоразумением в очках. А для четырехкратного чемпиона мира Роуэна Грекхэма я и вовсе пустое место — за последние два месяца совместной работы он ни разу не удостоил меня даже мимолетным взглядом и...

Проходящий мимо меня механик грубо задевает меня своим плечом, пока с силой перекатывает тяжелые использованные шины из одного бокса в другой. Полагаю, он из бригады нашего четырехкратного чемпиона, поэтому расстроен результатом или даже видит во мне врага, но это вовсе не моя вина, что Грекхэм упорно отказывается принимать чужую профессиональную помощь.

Не собираясь устраивать драму на ровном месте, я иду собираться в свой небольшой рабочий кабинет в командном моторхоуме — мне нужно забрать личные вещи и распечатки данных телеметрии перед скорым отъездом с трассы. Темно-синий, узкий коридор абсолютно пуст, освещение приглушено, и устало вздохнув я, не глядя вхожу в свой кабинет, но...

На моем рабочем стуле развалился Роуэн Грекхэм, заставляя меня буквально подпрыгнуть на месте от неожиданности и поспешно поправить очки, которые на самом деле вовсе мне не нужны. Он сидит там не просто так, а будто поджидает меня, караулит: его тяжелая аура давит на стены этой крошечной комнаты, как предгрозовое, свинцовое небо. Он выглядит невероятно уставшим, опасным и чертовски злым.

Высокий, с широким разворотом плеч, волевым подбородком, темными волнистыми волосами и глубокими карими глазами, которые буквально прожигают во мне дыру.

— Грекхэм? Я... могу тебе чем-нибудь помочь?

— Мистер.

— Извини?

— Мистер Грекхэм. Или у вас, американцев, проблемы с манерами?

— Разве... это не ты проник в мой кабинет пока меня не было?

Мужчина тут же слегка прищуривается, вглядываясь в меня, и его лицо становится еще более хмурым, пока я боюсь сделать даже лишний вдох от его холодного, высокомерного британского тона.

— Это почти мило, что ты считаешь эту кладовку своей. Должно быть... специалистам вроде тебя здесь... самое место.

— Не нравится интерьер, мистер? Могу прислать свою доску на Пинтерест и...

— Я понятия не имею, что это, черт возьми, значит.

— Как и победные настройки болидов, — говорю я чуть тише, молясь, чтобы он не услышал этого.

Но он, кажется, прекрасно все слышит. Я знаю, что мой голос в полумраке комнаты звучит неожиданно грубо и даже жестко, но внутри себя я ни разу не чувствую этой уверенности. Пальцы начинают мелко подрагивать, дыхание стано-

вится неглубоким и частым, а по спине пробегает неприятная дрожь от того, как откровенно и властно он давит на меня своим присутствием, но... я просто не имею права позволить себе потерять остатки авторитета перед ним.

— Оо, так, по-твоему, дело во мне? — выплевывает Роуэн, едва сдерживая свой закипающий гнев и лениво покручиваясь на моем кожаном стуле.

— Уж явно не в болиде.

— Верно. Речь идет о его настройках, — мужчина внезапно подается вперед, тяжело наваливаясь локтями на мой рабочий стол, и его темные глаза становятся почти черными, — о моих гребаных настройках, которые ты подсунула Митчеллу!

— Будь это так — он бы плелся в хвосте, как это делаете вы, *мистер Грекхэм*. Но вот сюрприз — там только вы.

Я упрямо вскидываю подбородок выше, изо всех сил стараясь казаться увереннее, и делаю решительный шаг вперед к столу, начиная демонстративно собирать свои разбросанные вещи. У гонщиков есть своя отдельная развозка до отеля, в то время как нам — простым смертным — жизненно важно не опоздать на общий командный автобус, но сейчас все мои суетливые движения — лишь жалкая попытка хоть чем-то занять дрожащие руки, чтобы этот невыносимый пилот не заметил моего волнения.

— Кто тебя нанял? — почти безразлично бросает он после затянувшейся паузы, медленно поднимаясь с моего места. —

«Синим пантерам» нужна реклама или... какие-то социальные выплаты? Потому что иначе я не понимаю, какого черта ты здесь.

— Вообще-то, у меня докторская степень по аэродинамике и...

Я резко оборачиваюсь на пилота, не желая чувствовать его убийственный, тяжелый взгляд собственной макушкой, но он уже оказывается слишком близко. Мужчина стремительно сокращает и без того минимальную дистанцию между нами, вынуждая меня отступить назад и буквально вжаться бедрами в холодный металлический стеллаж, просто чтобы сохранить хоть какое-то пространство между нами.

— ...ее ты тоже получила через постель?

— Я не...

— Ты ведь не ждешь, что я поверю твоим оправданиям? Все мы прекрасно знаем, как красавицы вроде тебя получают желаемое от мужчин.

Его ядовитые, несправедливые слова мгновенно бьют по самому больному, и мои щеки тут же заливают густая, горячая краска. В этом суровом, чисто «мужском» спорте женщине категорически нельзя быть привлекательной, если она не хочет постоянно выслушивать подобные грязные обвинения в свой адрес, но это ранит до глубины души даже в миллионный раз.

— Вы слишком сильно печетесь о моей личной жизни, Грекхэм.

— Мистер Грекхэм, красавица. Не заставляй меня повторять дважды.

— Технически — я ваш босс.

— Но практически — мне плевать.

Его тихий, вкрадчивый голос опасно вибрирует прямо у моего лица, он наклоняется еще ближе, и все мое тело мгновенно напрягается, и я судорожно задерживаю дыхание, боясь пошевелиться.

— Я не позволю какой-то там всезнайке превратить мой болид в семейный седан и...

— Тогда вам следует сообщить об этом вашему личному инженеру, благодаря которому вы продолжаете терять скорость на поворотах и вылетать с трассы.

Его темные карие глаза яростно сужаются, на красивом лице мгновенно каменеют все мышцы, а дыхание становится тяжелым и прерывистым. Между нами буквально искрится воздух, напряжение становится настолько плотным и осязаемым, что его можно резать ножом, и мне приходится приложить максимум своих усилий, чтобы упрямо постоять за себя, пока этот угрюмый великан не съел меня живьем.

— Я главный инженер «Синих пантер», Роуэн. Эта команда...

— Моя, — жестко перебивает он, делая еще полшага вперед. — Они работают на меня и на мой успех, потому что иначе...

— Иначе — что?

Я делаю ответный решительный шаг прямо на него, заставляя Роуэна от неожиданности слегка отступить назад.

— Вы забываетесь, Грекхэм. Вы здесь — всего лишь пилот. И ваша прямая обязанность — демонстрировать скорость *моего* болида, а не тешить собственное эго, воображая себя мастером на все руки. Не справляетесь со своей работой — значит команда, что наняла вас — найдет того, кто с ней справится.

— Ты это черт возьми серьезно? Я Роуэн, мать его, Грекхэм! Я четырехкратный чемпион мира, красавица, и никакая девица в очках не будет учить меня, как мне работать собственными руками.

— И сколько команд готовы вам предложить контракт? Ваш с «Синими пантерами» ведь истекает в этом году, верно?

Роуэн мгновенно каменеет: его широкие плечи резко напрягаются под плотной тканью термобелья, а пальцы сжимаются в тугие кулаки.

— Три.

— Очень неплохо для вашего тринадцатилетнего опыта, мистер, — я демонстративно складываю руки на груди, уверенно обходя его по кругу, чтобы наконец вернуть себе контроль над пространством. — У меня уже набежало восемь из одиннадцати, а я здесь всего три месяца. Так что... да, вы можете продолжать не слушать никакую девицу в очках, но...

Грекхэм молниеносно хватает меня за локоть, резко разворачивая обратно к себе так, что я буквально врезаюсь лицом в его жесткую грудь. Он весь так и пышет сдерживаемым гневом, хотя вовсе не делает мне больно, и нахально, вызывая задерживает свой темный взгляд на моих губах.

— Если судить по моим результатам — со своими обязанностями ты тоже справляешься так себе, красавица.

— Митч бы с тобой поспорил.

— Оо, так для тебя он теперь просто «Митч»? Босс уже в курсе, что вы трахаетесь?

Он наклоняется еще ближе к моему лицу и его горячее дыхание обжигает мне щеки, а я даже не успеваю открыть рот, чтобы возмущенно возразить.

— Особо на него не рассчитывай, красавица. Он предпочитает блондинок, но... Винсент Кир из Кавальерро вполне себе может обратить на тебя внимание, выгляди ты... чуть развратнее.

Мужчина медленно оглядывает меня с ног до головы оценивающим, тяжелым взглядом, и я тут же жалею о том, что моя и без того бесформенная командная униформа недостаточно широкая, чтобы полностью скрыть мою фигуру.

— Ты должен прекратить это.

— Что именно? Называть тебя «красавицей», красавица? Или напоминать тебе твое место?

— Своим поведением ты подрываешь мой авторитет перед командой и...

— Оо, поверь мне. Дело не во мне, они просто... согласны со мной.

— Я потратила больше половины своей жизни, чтобы оказаться здесь...

— А я не хочу терять свою, только потому что ты считаешь себя достаточно умной.

— Достаточно умной?! Я отказалась от работы в НАСА, чтобы быть здесь!

— И поэтому я должен ехать по твоей указке 360 км/час? Этого не будет, красавица.

— Мое имя — Кендалл...

— А мое — Роуэн, мать его, Грекхэм. Ты понимаешь, что это значит?

Он собственнически тянет меня еще ближе к себе за локоть, так что его мощная грудная клетка вплотную касается моей груди, и между нами снова вспыхивает это дикое, удушающее напряжение и его яростное, властное давление.

— Это значит — что ты не найдешь никого лучше меня, кто действительно окажется мастером на все руки, красавица. Дай мне повод — и я с удовольствием продемонстрирую тебе свои навыки.

— Ты уже сделал достаточно, Грекхэм, — сквозь плотно сжатые зубы цежу я, хотя мои колени предательски дрожат от его напора, — я главный инженер всей команды, Роуэн, — я сильным движением вырываю свою руку из его хватки и дергаюсь вперед, не желая сдаваться в этой словесной дуэли,

— всей команды, а не только Митчелла. Поэтому, как только захочешь вернуться на подиум — открой свою гребаную почту и воспользуйся моими расчетами.

Роуэн на секунду полностью застывает на месте, его сильная челюсть сжимается с такой силой, что под кожей отчетливо ходят желваки. Он выглядит невероятно напряженным, словно готов взорваться от моей дерзости, но вместо этого он лишь криво, зло усмехается и молча выходит из кабинета, громко хлопнув за собой дверь.

Я тяжело выдыхаю скопившийся в легких воздух, медленно обхожу свой рабочий стол и без сил опускаюсь в глубокое кожаное кресло, чувствуя, как внутри меня все мелко дрожит от пережитого стресса. Я умею быть колкой, отлично отвечать на выпады и уверенно стоять за себя, тщательно скрывая внутреннюю неуверенность — постоянное нахождение вблизи сурового «мужского» спорта и взросление со старшим братом-спортсменом давно научили меня этому, но... стоило чертову Роуэну Грекхэму задеть мою внешность — и я снова мгновенно превращаюсь в ту маленькую, испуганную девочку, которая прячется от всего мира за глупыми очками.

Мне до безумия стыдно за свою слабость и за то, что его ядовитые слова так легко пробили мою защитную броню, но вместе с тем... он наконец-то *заметил* меня.

Он заметил мою работу, и я, как и любой другой амбициозный инженер в этом падаке, в глубине души безумно

мечтаю поработать с гонщиком его уровня — это буквально открыло бы мне двери куда угодно, но... что-то подсказывает мне, что добром наша совместная работа точно не кончится. В этом жестоком спорте, где все и вся беспрекословно поклоняются его таланту, обязательно кто-то пострадает, и есть огромный шанс, что этим человеком окажусь именно я.

Пит-стоп №3. Роуэн

Шанхай, Китай

Двадцать третье марта

Я медленно иду по длинной прямой трассы в Шанхае во время планового предгоночного обхода — традиционной пешей прогулки пилотов и инженеров по автодрому за день до заездов, когда мы детально изучаем каждый поворот, особенности асфальта и поребрики. Воздух вокруг висит тяжелый и влажный, серое небо над нами плотно затянуто свинцовыми тучами, и кажется, что первая капля дождя сорвется вниз с минуты на минуту. И все же я присаживаюсь на корточки, устало касаясь кончиками пальцев холодного серого покрытия, но...

Стоит мне хотя бы мельком взглянуть на этот серый асфальт, как в горле мгновенно пересыхает от старого, липкого ужаса. Мой собственный разум безжалостно швыряет меня обратно в детство — на душный картодром в Англии, в сорокаградусную жару в тени, где мой собственный отец со злостью глушит мотор моего карта после очередной проигранной тренировки, за шиворот выбрасывает меня на раскаленное полотно трассы и бешено орет: «Раз ты не чувствуешь трещины колесами — ты будешь искать их руками!». Я до сих пор отчетливо помню, как ползал тогда на коленях, обжигая ладони о горячий гудрон, пока отец безразлич-

но засекал время на секундомере. Тот кошмар навсегда выжег во мне главное, незыблемое правило: гоночная трасса — это безжалостный монстр, который сожрет тебя целиком при первой же твоей ошибке. Ты просто не имеешь права доверять свою жизнь и безопасность первому встречному — вот почему мое яростное неприятие Кендалл — это не просто глупый каприз, это вопрос моего выживания. На скорости под триста шестьдесят километров в час я должен быть железно уверен, что за моей спиной в боксах стоит надежная бетонная стена, а не хрупкая девчонка-новичок, которая буквально вчера закончила университет и защитила диплом.

Чуть позади меня раздается ленивый мужской смех, от которого мои пальцы на асфальте непроизвольно сжимаются в кулаки. Мой гоночный инженер Гэри — седовласый, вечно угрюмый старик, работавший на трассе еще с моим отцом и полностью перенявший его жесткие, устаревшие методы — сейчас даже не смотрит на дорожное полотно под ногами. Он просто стоит в стороне и травит пошлые байки с другими инженерами-мужчинами, пока единственные, кто реально ищет проблемные стыки и кочки на трассе — это я и... чертова Кендалл Хартман, которая упрямо идет в паре метров впереди меня с планшетом в руках.

Я пристально слежу за ней краем глаза, раз за разом прокручивая в голове наш недавний скандал в Мельбурне — ее сухой, ледяной и неожиданно жесткий отпор тогда сильно задел меня за живое. Внутри меня снова закипает глухое раз-

дражение от самого факта ее присутствия на моем пути, но вместе с ним просыпается какой-то странный, злой интерес, потому что на деле она оказалась куда упрямее и эффектнее, чем я изначально рассчитывал, но...

Небо над автодромом мгновенно темнеет, и на трассу внезапно обрушивается плотная, сплошная стена проливного дождя: инженерная группа и механики с громкими криками тут же бегут назад к боксам, когда мы все находимся ровно посередине длинной прямой, я быстро раскрываю свой темно-синий зонт, уже собираясь бежать вместе с остальными, но... мой взгляд сам собой скользит по убегающей толпе впереди меня и почему-то не находит среди них Хартман.

Я резко оборачиваюсь назад и вижу, как она стоит совершенно одна посреди заливаемого потоками воды асфальта. Плотные струи дождя уже превратили ее волосы в мокрые темные пряди, которые намертво прилипли к лицу, но она упрямо продолжает конспектировать что-то в своем планшете, пока сенсорный экран окончательно не зальет водой.

— Хартман? Какого черта ты там застряла?! — ору я во весь голос, стараясь перекричать оглушительный шум ливня. — Сваливай с трассы!

— Мне нужно еще пять минут!

— Пять минут?! Тебя смоев в водосток через две!

Но она игнорирует меня, продолжая упорно тыкать замерзшими пальцами в залитый каплями экран. Ледяная вода уже полностью пропитывает мои кроссовки, поэтому я

раздраженно разворачиваюсь, собираясь вернуться в боксы: мне глубоко плевать на нее, она мне никто, и я искренне хочу, чтобы ее поскорее убрали из моей команды, но...

В эту секунду оглушительный грохот грома буквально сотрясает воздух прямо над нашими головами и...

— Твою ж мать!

Я грязно ругаюсь сквозь зубы и, мысленно проклиная все на свете, разворачиваюсь назад, потому что просто не могу бросить девчонку одну посреди этой бури. Я быстро подхожу к ней со спины и накрываю ее своим зонтом, создавая вокруг нас тесный, замкнутый купол относительно сухого пространства. Вокруг мгновенно пахнет свежим дождем, озоном и ее влажными волосами, но она сама лишь быстрее начинает водить своими длинными тонкими пальцами по экрану планшета.

— Что из моих гребаных слов «сваливай с трассы» ты не поняла, красавица?

— Ты мне не начальник, Роуэн.

— Как и здравый смысл, верно?

Злость на нее, на эту чертову ситуацию и на самого себя затапливает меня с головой, заставляя кровь быстрее бежать по венам. Я отчетливо понимаю, что не должен стоять здесь посреди ливня, пока она продолжает демонстративно меня игнорировать, сосредоточив все свое чертово внимание на мерцающем экране планшета, но какого-то черта я делаю именно это.

— Мне нужно закончить с расчетами...

— Зачем? Это работа Гэри, а не твоя..

— Неужели?

Девушка наконец поднимает на меня свои большие голубые глаза и... я, кажется, впервые вижу ее без дурацких очков. Под узким зонтом критически мало места, я стою слишком уж близко к ней, и то, что на ее лице сейчас нет этой мелкой привычной детали, мгновенно добавляет всему происходящему совершенно иной, опасный контекст.

— И кто ему об этом скажет? — хмурится она, снова возвращаясь к планшету. — Меня он не послушает и...

— Это, черт возьми, может подождать, Кендалл! Это ни хрена не безопасно!

— А потом — может быть слишком поздно, когда из-за отсутствия данных Гэри позволит тебе влететь в ближайшую стену.

Ее слова заставляют меня на секунду напрячься, будто ей... действительно не плевать на то, выживу я на трассе или нет, но мы оба знаем, что все это — чушь собачья. Я ступаю еще на шаг ближе к ней, так, что моя грудь практически касается ее мокрых лопаток, и склоняюсь ниже к самому ее уху:

— Ты ведь делаешь это для Митча, верно? Тебе ведь чертовски нравится то, как он обхаживает тебя?

Потому что именно это мой друг, кажется, и делает — он слушает ее, позволяет ей командовать собой на брифингах,

заботливо приносит ей кофе по утрам, и он точно не может делать все это просто из дружеской вежливости.

— Ты тоже мой пилот, Грекхэм.

— Значит... никак не можешь определиться, кого хочешь трахнуть больше? Мы можем устроить тройничок, если тебе это интересно.

Девушка тут же испуганно вскидывает на меня свой потемневший взгляд, полный глубокого отвращения и явного страха, и я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться от такой неожиданной, бурной реакции. Я ни за что на свете не собираюсь ни с кем делиться *своим*— это была всего лишь очередная пакость, способная вывести ее из привычного равновесия, и любая другая девица в паддоке уже умерла бы от счастья из-за подобного предложения, но Кендалл...

— Да ты извращенец, Грекхэм. Но чтоб ты знал — ты не в моем вкусе.

— Неужели? И кто тогда в твоём?

— Не самовлюбленные придурки, самоутверждающиеся за чужой счет.

— Может... я так флиртую?

— Выходит паршиво, Роуэн. Хорошие мальчики...

— Хорошие мальчики?

Это звучит настолько неожиданно и нелепо, что заставляет меня искренне рассмеяться и сделать шаг назад, мгновенно лишая всякого настроения смущать ее еще больше.

— Ты это не серьезно, красавица, — все еще тихо сме-

юсь я, — это действительно то... что ты ищешь? Хорошего мальчика?

— Они хотя бы не...

— ...мужчины? — весело хмыкаю я.

— Не уроды, в отличие от некоторых.

— Да, если тебя устраивает жизнь без оргазмов.

От моих резких слов девушка будто наконец полностью приходит в себя: она медленно расправляет плечи, упрямо задирает подбородок и оборачивается на меня всем своим промокшим насквозь телом. В этом тусклом свете грозового неба она выглядит... по-настоящему красивой. Я вовсе не вру ей, когда с издевкой называю красавицей, но мы оба упорно воспринимаем это исключительно как язвительную, колкую шутку, и именно так должно продолжаться и дальше.

— Судя по тому, как ты срываешься на людей и вечно нервничаешь — ты чертовски хороший мальчик, Роуэн.

Ее тихие слова звучат как прямой, дерзкий вызов, и я принципиально не собираюсь объясняться с ней, почему она... действительно может быть права. Вся моя жизнь давно превратилась в сплошную полосу паранойи: я патологически не умею доверять людям, а практически каждая девушка, которая оказывалась в моей постели, видела во мне лишь галочку в своем списке достижений или красивый трофей для соцсетей. Я давно не готов открываться кому-то, впускать в свою жизнь и искренне пытаться строить с кем-то реальные отношения, поэтому единственный оргазм, который у меня

есть в последние годы — от собственной руки. Поэтому пока я молча перевариваю ее укол, Кендалл с глухим щелчком захлопывает защитный чехол своего планшета, так и не спуская с меня своих больших голубых глаз.

— Я закончила. Мы можем идти.

Ее холодный, уверенный тон одновременно дико заводит меня и жутко злит. Эта девчонка бьет точно в цель, буквально видя меня насквозь под этим мокрым зонтом, и подобная пронизательность чертовски пугает мою привыкшую к одиночеству, закрытую натуру. Она и так находится слишком близко ко мне, чтобы это заставило мой член мгновенно напрычься под плотной тканью спортивных штанов, но ее слова делают все только хуже, разжигая внутри меня глухой пожар.

И все же мы наконец начинаем медленно двигаться в сторону гаражей, но эта дорога дается нам с огромным трудом: потоки воды на асфальте уже доходят до щиколотки, а порывистый ветер дует на открытой прямой с бешеной, оглушительной скоростью. Кендалл то и дело спотыкается и вечно отстает от моих широких шагов, но я прекрасно понимаю, что если мы не доберемся до теплых боксов за следующие десять минут, то один из нас, если не оба, в лучшем случае получит обморожение или сильную простуду, поэтому...

Я молча, резким и жестким движением притягиваю Кендалл за талию, буквально вжимая ее хрупкий бок в свое бедро.

— Ты... распускаешь руки, Грекхэм.

- Оо, будь это так — я бы предпочел твои бедра, красавица. Ты ведь помнишь, что я мастер на все руки, верно?
- Твоя статистика в этом сезоне — доказывает обратное.
- Зато мои подружки не жалуются.
- Кристиан и им платит за восторженные отзывы?
- Ты не...

Брюнетка внезапно спотыкается на ровном месте, шумно перебивая меня на полуслове и заставляя меня буквально ловить ее в свои объятия, чтобы она не рухнула в глубокую лужу. Я резко тяну ее за локоть вперед перед собой, вплотную оказываясь позади нее, и изо всех сил пытаюсь удержать равновесие так, чтобы она случайно не почувствовала своим упругим задом то, что сейчас явно чувствовать не должна.

— Переставляй свои ноги, Хартман. Твое желание оказаться в моей постели, конечно, оправдано, но...

— Ты ведь в курсе, что я даже твоего личного номера телефона знать не могу, верно?

— Чего?

— Мой контракт запрещает мне тесные связи внутри команды, Грекхэм. Тем более — с пилотами вроде тебя...

— Вроде меня? И что это черт возьми значит?

— ...поэтому оставь при себе свои грязные разговорчики и наконец отвали.

Брюнетка упрямо шагает дальше сквозь стену дождя, изо всех сил стараясь быстрее передвигать замерзшими ногами, но мне буквально приходится подталкивать ее всем своим

телом, чтобы придать ей хоть какую-то силу. Она находится слишком близко ко мне, и это превращается в самую настоящую, изощренную пытку: я чертовски давно не был с женщиной, поэтому мой член слишком остро и дико реагирует на ее близость, тем более после ее высокомерных слов о жестких пунктах контракта. С каждым тяжелым шагом Кендалл непроизвольно трется своими ягодицами о мой пах, моя ладонь на ее талии сжимается иногда слишком сильно, почти до боли, пока вторая рука, судорожно держащая тяжелый зонт, пытается хоть как-то спасти нас от шторма.

Но мы наконец-то преодолеваем это расстояние и оказываемся в спасительных боксах. Кендалл за долю секунды увеличивает дистанцию между нами до бесконечности как физически, так и морально, мгновенно делая шаг в сторону. В ту же секунду к ней взволнованно подбегает Митчелл: на его лице написано искреннее беспокойство, он тут же заботливо накидывает на ее промокшие плечи теплый брендерированный плед «Синих пантер» и что-то тихо говорит ей, внимательно осматривая ее лицо. Кендалл благодарно улыбается ему в ответ — той самой мягкой, тихой улыбкой, которую я лично за все время нашего знакомства никогда от нее не видел.

Мой лучший друг в очередной раз трогательно заботится об этой девчонке, пока все, что получаю я от проходящего мимо механика — это сухое, холодное командное полотенце.

— Вы в порядке, мистер Грекхэм? — хмуро отзывается тот, забирая и складывая мой мокрый зонт.

— Возьмите у мисс Хартман ее расчеты и передайте Гэри, что, если он не воспользуется ими — я лично отправлю его под ливень, как минимум на час.

Парень понимающе кивает и быстро забирает у Кендалл ее планшет, пока Митч ласково уводит ее вглубь сухих боксов. Мой напарник наверняка хочет поскорее напоить свою главную ценность горячим чаем, пока я отчаянно пытаюсь игнорировать тот факт, что в этом почти опустевшем боксе до меня вообще никому нет дела. Я быстро выхожу в коридор моторхоума, на ходу скидывая с плеч мокрую кофту, и внезапно замечаю в отражении зеркальной поверхности стены, что моя футболка осталась почти сухой, но вот весь правый бок, к которому не прижималась Хартман — полностью мокрый.

Я резко замираю на месте, вглядываясь в свое отражение, и даже на секунду перестаю дышать от нахлынувших мыслей, но... это ведь просто глупая физика, верно? Я абсолютно точно знаю, что держал зонт ровно над нашими головами, и сильный дождь просто косо лил именно в эту сторону. Это должна быть чертова, обычная физика, и...

Злость от увиденного мгновенно распирает мою грудную клетку, и я, резко развернувшись, несусь в техническую зону команды, чтобы поскорее воспользоваться сушильным шкафом. Я на ходу стягиваю с себя влажную футболку, в полумраке пробираясь среди ровных рядов шкафчиков персонала: в комнате стоит сильный гул из-за работающей на полную

мощность сушилки, но стоит мне завернуть за угол к шкафам, как я тут же замираю на месте как вкопанный, ведь...

В нескольких метрах от меня стоит Кендалл. Она повернута ко мне спиной, на ней все еще надеты темные офисные брюки, но какой-либо верх на ней полностью отсутствует, пока она сосредоточенно выжимает свои мокрые волосы пушистым полотенцем. Я отчетливо вижу ее изящные голые плечи, острые лопатки и тонкую, невероятно красивую талию, и все это выглядит настолько завораживающе, что я едва ли могу сделать вдох или просто пошевелиться.

— Какого черта, Грекхэм?!

Девушка испуганно взвизгивает, заметив мое внезапное появление в тусклом отражении металлической дверцы шкафчика, и тут же судорожно прижимает к груди мокрое полотенце. Но я даже не думая отворачиваться, наоборот — делаю уверенный шаг ближе к ней, отчетливо чувствуя, как в замкнутом пространстве технической комнаты воздух мгновенно становится жарче и плотнее.

— У меня к тебе тот же вопрос. Это — мужская раздевалка и...

— Оо, по-твоему, здесь есть какая-то еще? — нервно смеется она от злости и бессилия. — Думаешь, «Синие пантеры» решили потратиться и построили для меня собственную?

— И часто ты... переодеваешься... здесь? При всех?

— Обычно я не попадаю под цунами, Роуэн. Извини, что

мне не хотелось возвращаться в отель полностью мокрой, но...

— У тебя и формы запасной нет?!

— У меня их всего — две. Одна в гостиничном номере, а другая — сейчас похожа на половую тряпку.

Я тут же хмурюсь, понятия не имея, как она умудрилась согласиться на подобные условия труда. Я не уверен, сколько вообще девушек работает в «Синих пантерах» — может быть сто, а может быть вообще ни одной — но прямо сейчас у них есть Кендалл. Руководство команды обязано выделить ей нормальное личное пространство — пусть не отдельную раздевалку, которой физически может не быть на старых паддоках некоторых трасс, но хотя бы предоставить приличное количество сменной формы, как они без проблем делают для мужчин. Не то чтобы мне действительно было до всего этого хоть какое-то дело, но если бы она была моей младшей сестрой...

— Поэтому если мы закончили обсуждать мой гардероб — не мог бы ты убраться отсюда? Я вроде как полуголая и...

Но вместо ответа я позволяю себе безнаказанно украсть еще одну затяжную секунду, рассматривая изгибы ее обнаженного тела. Горячая волна мгновенно пробегает по моим венам, заставляя кровь прилить к члену, а ладони непроизвольно сжимаются от острого, внезапного желания коснуться пальцами ее нежной кожи, просто чтобы убедиться, что эта девушка настоящая. Шумно прочистив горло, я застав-

ляю себя отпустить эти мысли и просто протягиваю ей свою сухую, теплую толстовку, в которой ходил утром до этого.

— Надень.

Она все так же яростно и сердито смотрит на меня снизу вверх, ее умные глаза лихорадочно анализируют ситуацию, прежде чем она быстрым, резким движением буквально вырывает мягкую ткань из моих рук. Повернувшись ровно ко мне спиной, она аккуратно ныряет внутрь свободной толстовки, едва не выронив из рук влажное полотенце.

Я прекрасно понимаю, что должен отвернуться, но снова упорно не делаю этого, молча наблюдая за тем, как Кендалл буквально целиком тонет в моей просторной одежде. Темно-синяя ткань полностью скрывает ее изящную фигуру, широкие рукава целиком закрывают ее ладони, и теперь она наверняка пахнет не только дождем, но и моим резким, дорогим парфюмом.

Девушка тут же судорожно заталкивает свои мокрые вещи в дорожную сумку, бросает мне сквозь плотно сжатые зубы холодное «спасибо» и стремительно вылетает из раздевалки, оставляя меня в полном одиночестве.

Я остаюсь один в полумраке раздевалки под монотонный, усыпляющий гул сушильного шкафа. Мои ладони тяжело упираются в холодный металл соседней дверцы, я прерывисто дышу, безуспешно пытаюсь выветрить из собственных легких сладковатый аромат ее духов, потому что меня буквально трясет от глухой, уродливой ярости.

Эта девчонка пришла в мою жизнь и за пару недель все испортила: мой привычный контроль, мою жесткую сосредоточенность на этом чемпионате, мои гребаные, обычно железные нервы... она планомерно и безжалостно уничтожает все это своим дурацким упрямством. Я дико злюсь на то, как мое собственное тело мгновенно и бесконтрольно реагирует на нее, злюсь на то, что стоял как последний придурок посреди ливня, загораживая ее от холодной воды, но... сильнее всего меня бесит мысль, от которой внутри меня все переворачивается.

Она и все остальные вокруг нее будут видеть на ней самый обычный, стандартный командный мерч «Синих пантер» с моим гоночным номером, но я... я буду единственным во всем чертовом боксе, кто знает правду — единственным, кто знает, что это не просто безликая командная униформа, а эта чертова толстовка... лично моя.

Пит-стоп №4. Кендалл

Токио, Япония

Второе апреля

Когда на мне наконец-то нет тяжелой командной формы с эмблемами «Синих пантер», дышать становится в разы легче. Простые джинсы и мягкий трикотаж возвращают меня в реальность, где я обычная двадцатилетняя девушка, а не босс инженерной бригады, где каждую секунду нужно держать удар и доказывать свое право находиться здесь. Эта неожиданная передышка кажется мне настоящим подарком, потому что после этапа в Китае я чувствую себя абсолютно вымотанной. Бесконечные стычки с Роуэном Грекхэмом выжали из меня все соки, а его внезапное появление в раздевалке до сих пор заставляет мои щеки гореть. Он не просто вызвался мне помочь и укрыть под своим зонтом, он застал меня полуголой, и я изо всех сил стараюсь стереть из памяти то, что увидела в ответ. Его безупречно мускулистое тело, кубики пресса и очерченные линии мышц, уходящие под пояс спортивных штанов, то и дело всплывают перед глазами, но... в мужском и суровом мире автоспорта ты не имеешь права на глупые ошибки и секс с кем-либо на одну ночь, но увиденное вышло слишком впечатляющим, чтобы просто взять и забыть об этом.

И все же сейчас, пока я сижу в полумраке крошечного,

аутентичного бара в самом сердце Токио, мысли о гонках постепенно отступают. Приглушенный желтый свет мягко падает на деревянную стойку, из скрытых динамиков доносится негромкий джаз, а воздух наполнен ароматами теплого риса и специй, когда я нахожусь здесь с мужчиной, который заставляет меня смеяться настолько искренне, что у меня уже начинают приятно болеть щеки.

— ...так что я просто позволил Рокси сгрызть ее туфлю, а потом со спокойной душой свалил все на местного енота, — хмыкает Логан, делая приличный глоток саке и заставляя меня снова расмеяться.

— Понятия не имею, как после этого Кэтрин вообще согласилась выйти за тебя замуж.

Я снова тепло улыбаюсь, отчаянно стараясь не думать о том, как сильно была влюблена в Логана во время учебы в Европе. Я буквально прогуливала ради него лекции, лишь бы подольше побыть с ним наедине, и совершенно не ожидала, что на последнем курсе он внезапно сделает предложение Кэтрин Билл — умной и безумно красивой блондинке с физико-математического отделения.

— Вообще-то... я все отменил.

Улыбка моментально сползает с моего лица, а в голове воцаряется полная растерянность:

— В каком смысле... ты все отменил?

— Я разорвал помолвку, Кенни. Примерно... пару месяцев назад.

В груди что-то испуганно сжимается, а ладони внезапно становятся влажными от этой новости, на которую я не знаю как реагировать. В смысле... мне нужно его с этим поздравить или все же посочувствовать?

— Мне так жаль, милый, я... почему ты сразу мне не сказал? Я бы обязательно нашла время приехать или хотя бы позвонить, чтобы тебя поддержать, я...

— Все в порядке, правда, — Логан поджимает губы и осторожно опускает руку на спинку моего стула, слегка подвигаясь ближе. — У тебя тогда... столько всего происходило в жизни. Астер получил травму колена, ты собиралась стать главным инженером «Синих пантер», и... мне не хотелось вешать на тебя еще и свои проблемы.

— Тебе следовало сказать мне об этом, Логан.

— Мне в целом не следовало делать все это.

— Почему?

— Потому что она — не ты, Кенни.

Я буквально замираю от его тихого, неуверенного признания, совершенно не понимая, как себя вести. Я мечтала услышать эти слова все студенческие годы, но сейчас... они почему-то не вызывают внутри меня ничего, кроме странного замешательства.

— Извини, я... мне не следовало это говорить.

Мой старый друг неловко морщится, пытаюсь отстраниться и закрыться в себе, и по его напряженным плечам видно, насколько эта тема для него болезненна, поэтому я не выдер-

живаю: подаюсь чуть вперед и мягко касаюсь его локтя, безмолвно прося продолжить.

— Просто каждый раз, вспоминая все это — я думал, как я мог так сильно ошибиться, понимаешь? Как я мог... упустить тебя, и...

— Я все понимаю, Логан, правда.

— А я нет, — он горько усмехается и поворачивается ко мне так близко, что я чувствую его теплое дыхание на своей коже. — И я не хочу, чтобы ты меня оправдывала.

Между нами мгновенно повисает густая, тяжелая тишина: это напряжение ощущается совсем не так, как в университете — оно кажется чужим, неправильным и смущает меня гораздо сильнее, чем должно, но...

— Ты очень красивая, Кенни.

— Спасибо, Логан.

— Я... весь вечер не могу отвести от тебя глаз и...

Возможно, дело в паре бокалов саке или в том, что я просто отвыкла от мужского внимания, но эти слова почему-то кажутся мне натянутыми и фальшивыми. Логан — мой близкий друг, и мне приятны его комплименты, но я все равно аккуратно отклоняюсь назад, чтобы вернуть между нами безопасную дистанцию.

— Как ты думаешь... — он берет паузу, а затем осторожно накрывает мою ладонь под столом, — мы могли бы исправить это? Например, поужинать вместе, когда ты будешь свободнее. Или я мог бы прилететь к тебе на одно из бли-

жайших Гран-при, познакомиться с твоим руководителем и официально отпросить тебя на один вечер?

Его детская наивность заставляет меня негромко рассмеяться, потому что я слишком ярко представляю, как Хэйз посмотрел бы на него в этот момент.

— Я работаю в «пантерах» всего пару месяцев, Логан, так что сомневаюсь, что это хорошая идея.

— Тогда... мы могли бы поужинать все вместе. Они ведь от тебя без ума, верно?

— Ну, Кристиан прекрасный начальник, и я хорошо лажу с МакРеєм, но... наше общение не выходит за рамки рабочих задач.

— Да брось, Кенни. Ты же их лучший сотрудник. Никто не откажет тебе в ужине.

— Да, но... это ведь не деловая встреча. Им незачем тратить свое личное время на посиделки с друзьями своего инженера.

— А что, если я сделаю эту встречу деловой?

Я замираю, вглядываясь в его лицо не до конца понимая, к чему ведет этот разговор. Его излишняя настойчивость начинает откровенно меня напрягать, а хватка на моих пальцах становится неприятно крепкой и давящей.

— Ты ведь знаешь, что я работаю инженером на местном автомобильном заводе, и... меня очень интересует карьерный рост. Формула-1 — моя главная цель, так что если бы ты свела нас за ужином...

— Погоди, — я болезненно морщусь, пытаюсь высвободить пальцы из его захвата. — Ты просишь меня... устроить тебе собеседование?

— Нет, конечно, нет. Какое же это собеседование, если ты... просто представишь меня нужным людям и покажешь им мои расчеты. Для тебя это пара минут, а для меня — реальная возможность, понимаешь?

Его голос все еще звучит флиртующе, и мне становится физически тошно от осознания того, ради чего на самом деле он позвал меня на эту встречу, едва узнав о моем приезде в Токио.

— Тем более, если мы действительно хотим быть вместе...

— Думаю, на этом нам лучше закончить.

— Да брось, Кенни, я...

— Нет, — резко выплевываю я, практически спрыгивая с высокого барного стула. — Ты больше не можешь так меня называть.

— Не будь такой драматичной, Хартман. Это ведь... просто бизнес.

Я судорожно роюсь в сумочке в поисках кошелька, чтобы бросить на стойку наличные, и одновременно натягиваю на плечи куртку, пока к горлу подкатывает горький, удушливый ком обиды.

— Ты ведь... не спишь с кем-нибудь из своих пилотов?

— Это абсолютно не твое дело, Логан.

— Просто если да... это могло бы значительно упростить весь процесс, и...

Я застываю на месте, отказываясь верить собственным ушам. В уголках глаз начинает неприятно щипать от подступающих слез, но я упрямо сдерживаю их, проглатывая унижение и не сводя с него шокированного взгляда. Мне просто не верится, что я когда-то сходила с ума по человеку, который сейчас так легко смешивает меня с грязью.

— Да, ты права, — Логан запоздало понимает, что перегнул палку, но даже не думает извиняться. — Ты слишком... пассивна для подобных вещей.

— Извини?

— Ну, ты ведь вечно строишь из себя недотрогу, Кенни. Ты ведь не думаешь, что подобное... может кого-то привлекать, верно?

Меня начинает мелко трясти от этой отвратительной тишины: обида окончательно уступает место глухому гневу, и я решаю поймать любого официанта уже на выходе, чтобы расплатиться и не оставаться здесь больше ни единой секунды. Я делаю резкий шаг в сторону двери, но Логан неожиданно перехватывает мое запястье и дергает на себя так сильно, что я практически падаю на его грудь.

— Да брось, Кенни, будь умницей. Просто окажи мне услугу.

— Отпусти меня, Логан.

— Конечно. Как только ты согласишься мне помочь, и...

— Не заставляй ее повторять тебе дважды, придурок.

Из полумрака за моей спиной раздается ледяной знакомый голос, заставляя нас обоих резко обернуться. Я впервые вижу Роуэна Грекхэма вне трассы и паддока, без его привычного гоночного комбинезона: на нем надета самая обычная будничная одежда, но даже в ней он умудряется выглядеть пугающе огромным. Роуэн хмурится, его лицо кажется высеченным из камня, а темный взгляд намертво фокусируется на пальцах Логана, которые все еще крепко сжимают мое запястье.

— Роуэн Грекхэм! Какая встреча! — радостно тянет Логан, выпуская мою руку лишь для того, чтобы бесцеремонно приобнять меня за талию и собственнически притянуть к себе. — А мы как раз с Кенни обсуждали наше возможное сотрудничество, правда, детка?

— Боюсь, ты что-то перепутал.

— Извини?

— Это не ее имя, и она велела тебе отвалить.

— Нет, нет, ты...

— Вы, — жестко исправляет его Грекхэм.

— ...вы все неправильно поняли. Мы с Кендалл старые приятели...

— Тогда какого черта ты себе позволяешь, если вы просто приятели?

Но Логан явно недоволен этим вмешательством: его лицо меняется буквально на глазах, когда холеное эго начинает

трещать по швам под давлением другого, более успешного и уверенного в себе мужчины. Он недовольно скалится, грубо хмыкает и наконец отпускает мою талию. Я тут же наклоняюсь, чтобы поднять с пола свою сумочку, которая выскользнула из рук в суматохе и...

— А говорила, никто из них не трахает тебя, Кенни, — злобно усмехается Логан, захлебываясь от собственной беспомощности и яда. — Ну, хоть кому-то из нас перепало.

— Поверь, приятель, тебе остается об этом только мечтать. Как, впрочем, и мне.

Роуэн внезапно оказывается слишком близко к нам, полностью перекрывая мне путь к отступлению: не устаивая Логана даже мимолетным взглядом, он спокойно достает из кармана наличные, которых гораздо больше, чем требуется, и небрежно бросает купюры на деревянную барную стойку, закрывая наш общий счет.

Не давая мне опомниться и прийти в себя, Грекхэм крепко перехватывает мое запястье и уверенно уводит за собой через незаметный задний ход бара. Моя голова идет кругом, пока я пытаюсь уложить в голове случившееся: мы ведь столько лет дружили с Логаном, я была по-настоящему, до безумия влюблена в него, но стоило мне добиться хоть какого-то успеха в карьере, как он решил использовать меня в качестве разменной монеты, и...

— Ты... в порядке?

Низкий голос Роуэна резко выдергивает меня из омута тя-

желых мыслей. Я вздрагиваю и тут же выхватываю свою ладонь из его широкой, теплой руки. Горькая обида вперемешку со злостью закипает в груди, и я даже не знаю, на кого сейчас злюсь сильнее — на предавшего меня Логана или на Грекхэма, который стал свидетелем моего позора.

— Обязательно было вмешиваться?! Я могу за себя постоять, Грекхэм.

— Неужели? Что-то я не заметил.

Его резкие слова мгновенно долетают до сознания, заставляя меня застыть на месте посреди сырого проулка.

— Как... много ты слышал?

— Достаточно.

— Это не ответ на мой вопрос, Роуэн.

— Достаточно много, чтобы захотеть вмазать ему.

Мое лицо мгновенно обдаёт вспышкой стыда: щеки начинают гореть так сильно, что становится трудно дышать. Мало того, что человек, которого я считала своим близким другом, растоптал меня и унизил, так все это грязное белье еще и превратилось в бесплатное шоу для Роуэна Грекхэма.

— Он не стоит твоего внимания, Кендалл.

— Это не твое дело, Роуэн.

— Да, но...

— Нет. С меня на сегодня достаточно.

Я резко разворачиваюсь и быстро шагаю по темному, узкому переулку — здесь нет ни единой живой души, но даже этого чувства уединения мне катастрофически мало. Мне

хочется провалиться сквозь землю, исчезнуть и раствориться в токийской ночи, поэтому на ходу я судорожно выуживаю из сумочки очки в толстой оправе, быстрыми движениями собираю непослушные волнистые волосы в неаккуратный пучок на затылке и сильнее кутаюсь в полы своей куртки, но... за моей спиной тут же раздаются тяжелые, уверенные шаги и я оборачиваюсь настолько резко, что практически врезаюсь лицом в твердую грудь Роуэна, который моментально ловит меня за плечи, удерживая на месте и оказываясь непозволительно близко.

— Что ты... делаешь?

— Провожая тебя до машины.

— Мой отель в километре отсюда, Роуэн, я добралась сюда не сама.

— Хорошо, тогда я пригоню свою. Она стоит за углом и...

— Нас не должны видеть вместе, Грекхэм. У меня будут проблемы, если ты не забыл.

Мужчина опасно сужает глаза и делает крошечный шаг вперед, сокращая последнее безопасное расстояние между нами. Он буквально нависает надо мной, перекрывая собой тусклый свет уличного фонаря, и воздух между нами мгновенно становится густым и наэлектризованным.

— Как хорошо ты владеешь языком, красавица?

— Извини?

— Я спрашиваю — насколько твой колкий язык владеет японским? Потому что что-то мне подсказывает, что он спо-

собен на многое, но...

— Прекрати это.

— Как только ты перестанешь мне сопротивляться, — его тихий, хрипловатый тон звучит пугающе интимно, и он на долю секунды опускает взгляд на мои губы, прежде чем снова посмотреть в глаза. — Я могу быть не согласен с тобой в каких-то рабочих моментах, красавица, но я не мудила, который бросит девушку в чужой стране и без знания языка. Не хочешь ехать со мной в одной машине — значит мы пойдем пешком. Мне ведь не впервой прикрывать твой зад, верно?

От его уверенного голоса внутри меня все переворачивается: я делаю шаг назад, отчаянно пытаюсь вернуть прежнюю дистанцию, но Роуэн легко обгоняет меня широким шагом, вынуждая меня идти следом за ним.

— Я в состоянии дойти до отеля без твоего сопровождения, Грекхэм.

— Хорошо, потому что тогда сопровождение нужно мне. Ты ведь не хочешь, чтобы с твоим самым любимым пилотом что-то случилось, верно?

— Думаю, Митчелл давным-давно уже спит и...

— Хочешь заставить меня ревновать, красавица?

— Единственное, чего я хочу — чтобы ты перестал корчить из себя доброго самаритянина и прекратил делать вид, будто тебе не плевать.

Роуэн резко тормозит, преграждая мне путь своим телом так, что я едва успеваю остановиться. По его напряженным

плечам и сжатым челюстям видно, как тяжело ему дается сдерживать подступающую злость.

— Он тебе нравился?

— Что?

— Тот придурок из бара.

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой, и...

— Хорошо. Потому что я здесь не для того, чтобы мы сыграли в ролевую игру, где я притворяюсь твоим психологом, — резко обрывает он, напоминая о своем привычном угрюмом характере. — Он гребаный идиот, который не стоил и секунды твоего внимания.

— Ты не знаешь его, Грекхэм.

— Как, судя по всему, и ты, — жестко настаивает он, и в его глазах вспыхивает еще больше раздражения. — И в этом твоя главная проблема, красавица.

Его слова быют наотмашь, оставляя неприятный осадок — сердце начинает стучать быстрее, а в горле пересыхает от обиды, но Роуэн кажется еще не закончил:

— Ты слишком наивна, раз ведешься на пару дешевых комплиментов. — Это замечание ранит, даже если Роуэн и прав, но, когда он произносит это вслух, мне становится физически тошно. — Но веришь ты в это или нет — я действительно хочу убедиться, что ты будешь в безопасности посреди незнакомой страны и без знания языка. Так что, пожалуйста, включи свой умный мозг и просто начни переставлять свои красивые ножки, хорошо?

Роуэн выглядит слишком серьезно, будто действительно совершенно не шутит, и от этой неожиданной строгости я с трудом сглатываю ком в горле. Он медленно отступает на шаг назад и небрежным, но плавным жестом руки приглашает меня продолжить путь: я делаю один осторожный шаг, затем еще один, и еще, а Роуэн до самого последнего момента остается на месте, пока между нами постепенно не образуется осязаемое расстояние в несколько десятков метров.

Так мы оказываемся на полупустой вечерней улице, где, к счастью, ходит не так много народу. В темном отражении одной из зеркальных витрин магазинов я замечаю, как Грекхэм низко натянул на глаза темную бейсболку, надел солнцезащитные очки и до самого конца сохраняет это безопасное пространство между нами, ни на секунду не спуская с меня своего пристального взгляда.

Где-то глубоко в душе мне почти приятно, что он делает это для меня — защищает мою репутацию и оберегает от лишних слухов, но... горький пример с Логаном только что доказал, на какую подлость способны мужчины.

Я была невероятно глупой, когда ради Логана жертвовала своей учебой, прогуливала важные лекции и тратила время только на то, чтобы он наконец заметил меня и вытащил из френдзоны, ведь... из-за этой слепой влюбленности я могла вообще не оказаться здесь, не получить эту должность и не работать с лучшими людьми в автоспорте.

Моя нынешняя холодность и неприязнь к Роуэну — это

лишь шрам от болезненного предательства, и я просто не имею права совершить ту же ошибку снова. Я не могу позволить себе поверить Роуэну Грекхэму, даже если сейчас... он провожает меня до дверей отеля, бережно соблюдая расстояние, чтобы моя карьера не пострадала из-за его громкого имени.

Пит-стоп №5. Кендалл

Сахир, Бахрейн

Одиннадцатое апреля

Вечернее небо Бахрейна буквально разрывают плотные, тяжелые потоки аномального ливня, превращая асфальт под командным мостиком в зеркальное месиво. В огромных лужах на пит-лейн дрожат и расплываются неоновые отражения ярких прожекторов, а в ушах стоит сплошная стена звуков: шум хлещущей воды смешивается с оглушительным, утробным гулом моторов и далеким ревом трибун, которых не пугает даже этот сумасшедший потоп. На командном мостике царит крошечный ад: пятничная тренировка превращается в проверку на прочность, все инженеры и руководство команды дико напряжены, а в воздухе отчетливо висит паника из-за непредсказуемой погоды. Я же стараюсь полностью абстрагироваться от этого хаоса и заставляю себя сосредоточиться исключительно на Митчелле. Я веду его по залитой водой трассе, неотрывно отслеживаю каждую цифру на экранах телеметрии и абсолютно не обращаю внимания на суету, которая творится за моей спиной в боксах.

Болид МакРея несется сквозь стену брызг, его заднюю часть ощутимо заносит на скользком покрытии, но он чертовски профессионально удерживает машину на траектории. Ему остается пройти меньше километра до финиша, пока

он бок о бок соревнуется за позицию с одним из пилотов Кавальерро, но Митч выжимает из мотора максимум и пересекает финишную черту на мгновение раньше своего соперника. Он завершает сессию вторым, и его часть инженерного штаба моментально взрывается волной сдержанных, но облегченных аплодисментов, и я наконец-то позволяю себе сделать первый полноценный, глубокий вдох за последние сорок минут. Меня, разумеется, никто не удостаивает даже дежурной улыбкой, не говоря уже о каких-то дружеских объятиях, поэтому я просто молча блокирую свой планшет, собираясь вернуться в тепло боксов, но краем уха улавливаю чужой разговор.

— ...предполагаемый снос. Измени баланс тормозов передней оси на шестьдесят процентов и...

— Нет! — резко выкрикиваю я, и мой собственный голос моментально тонет в реве проносащихся мимо машин, шуме дождя и порывах ветра.

А я ведь даже не подключена к радиоволне Грекхэма, чтобы успеть вовремя его остановить. Мой планшет тут же загорается тревожным красным цветом, сообщая о критической опасности, ведь то, что они собираются сделать — это смертельная, непоправимая ошибка в такой сумасшедший ливень. Я судорожно тянусь к панели управления и переключаю тумблер, чтобы силой вклиниться на его рабочую частоту.

— Верни настройки обратно, Роуэн! Ты обязан придержи-

живаться прошлого соотношения...

— А ты — должна убраться из моей головы, красавица, — раздается в наушниках его хриплый, недовольный голос.

— Это изменение даст ему необходимый отрыв на прямых участках, *куколка*, — вмешивается в разговор Гэри, даже не утруждая себя тем, чтобы обернуться в мою сторону. — А потом...

— А потом его болид развернет на выходе из поворота и кому-то из нас придется сопровождать его в больницу.

— Ты не...

— Вы оба должны заткнуться, — с трудом сдерживая ярость, обрывает нас Роуэн. В этот самый момент он совершает безумно опасный маневр ради обгона, его машину заносит на мокром асфальте гораздо сильнее, чем должно, но он каким-то чудом справляется с управлением. — Пока я не отключился от каждого из вас.

Мы все еще катастрофически не ладим, особенно после того, что произошло между нами неделю назад в Японии. Пусть та дурацкая прогулка до отеля и не всплыла в социальных сетях, а Кристиан не уволил меня с позором, это ни капли не помогло нам наладить рабочие отношения. Роуэн продолжает упорно избегать меня и в штыки воспринимает любые мои настройки, а я, решив больше не навязываться, согласилась с предложением Хейза и полностью переключила свое внимание на Митчелла. Но прямо сейчас я просто физически не могу допустить глупой аварии на трассе: су-

дя по статистике прошлых лет, Роуэн стабильно разбивает болид как минимум раз за сезон и совершенно точно не боится рисковать своей жизнью. Вот только я не хочу, чтобы он пострадал из-за собственного упрямства, когда я могу это предотвратить.

Я решительно переключаюсь на прямой, изолированный канал связи с болидом Роуэна, полностью блокируя всех остальных членов команды. В моих наушниках мгновенно воцаряется интимная тишина, нарушаемая лишь его тяжелым, прерывистым дыханием и диким ревом мотора на заднем плане.

— Что ты...

— Роуэн, — я бесцеремонно перебиваю Гэри и делаю уверенный шаг в сторону от его стола, чтобы он физически не смог дотянуться до пульта и помешать мне. — Предлагаю пари.

Я прекрасно понимаю, что азарт — это единственное, что может заставить этого упрямя подчиниться моим командам, ведь он не доверяет мне как специалисту, да и вообще, кажется, не доверяет абсолютно никому в этом паддоке.

— Хочешь сходить со мной на свидание, красавица? Ты же знаешь, ради этого — меня не нужно уговаривать и...

— Расскажешь об этом тому, кому это интересно, но... я могу привести тебя пятым.

— Нет, не можешь. Я едва попадаю в десятку, и...

— Просто дай мне шанс, — прошу я, стараясь говорить

максимально твердо и спокойно. — Ты станешь пятым, если позволишь мне помочь с настройками.

Но в ответ наступает лишь тяжелая пауза: на экране видно, как его болид мотает из стороны в сторону на залитом водой треке, пока Роуэн упорно молчит, борясь с управлением и собственными мыслями.

— А если нет?

— Если ты финишируешь шестым или ниже — я до конца сезона даже не взгляну в сторону твоих графиков, буду работать только с Митчем и... ты даже не заметишь, что я существую.

В этот момент второй из болидов команды Кавальерро на огромной скорости едва не сносит заднее крыло Роуэна, пытаясь поравняться с ним на прямой. Грекхэм в последний момент уворачивается от агрессивного выпада соперника, вынужденно пропуская того вперед, и тяжело выдыхает в радиоэфир:

— Ладно, красавица. Давай посмотрим, на что ты способна.

Я тут же вывожу все параметры его машины на свой рабочий экран и отчетливо вижу движение его болида на интерактивной карте трассы, буквально физически ощущаю его сумасшедшую скорость и начинаю судорожно, строчка за строчкой, перепроверять каждый свой расчет.

— Смести баланс тормозов на два процента вперед, Алекс не успеет среагировать и...

— Ты действительно собираешься обсуждать со мной другого мужчину, Кендалл? Я рассчитывал на секс по телефону и...

— Роуэн.

— Да брось, красавица. Я всего лишь хочу, чтобы ты покраснела.

— Вряд ли это возможно в такую погоду.

— Но ты чертовски мокрая, верно? Неужели я сделал это с тобой, Кендалл?

— Оо, Грекхэм, боюсь Митчелл тебя опередил.

Я задерживаю дыхание, когда на моем главном экране болид Роуэна стремительно приближается к затяжному повороту. До него еще остается прямая, но Грекхэм уже летит на бешеной скорости, выстраиваясь в один плотный, опасный ряд сразу с четырьмя другими соперниками. В этот момент сердце начинает колотиться о ребра с такой силой, что мне становится физически трудно дышать, а ладони, сжимающие край стола, мгновенно становятся ледяными.

— Срежь апекс на втором повороте. Фернандо начнет смещение по малой дуге, и ты сразу обгонишь всю четверку.

— Так ты разбираешься во всех гонщиках и их маневрах, красавица?

— Меня интересуют лишь настройки их болидов.

— То есть мне не следует ревновать?

— Ты терпеть меня не можешь, Роуэн.

— Я этого не говорил.

— Но и не сказал обратного.

— Да брось, Кендалл, хочешь, чтобы я встал перед тобой на колени?

— Извини, Грекхэм, туда допускаются только хорошие мальчики.

— Я стану для тебя кем угодно, если ты приведешь меня пятым.

Мои глаза неотрывно следят за графикой на мониторе, когда на сложном повороте Фернандо делает ровно то, что я и предполагала — он резко начинает перекрывать путь Роуэну слева по меньшему радиусу. Но Грекхэм беспрекословно и чертовски точно выполняет то, что я ему посоветовала — его болид красиво ныряет в образовавшуюся щель и обходит сразу четыре машины, вырываясь на шестое место. До моей безоговорочной победы в нашем безумном пари остается всего пятьсот метров, один упрямый болид Кавальеро впереди и... личный выбор Грекхэма. Ему остается проехать финальный отрезок по прямой, где мои технические настройки уже не имеют особого значения. Он может либо обогнать соперника, полностью доверившись своим природным инстинктам, либо же намеренно остаться позади, чтобы избавиться от меня и моих графиков до конца сезона.

— Роуэн, — предупреждающе звучу я.

— Мне нравится, как умоляюще ты произносишь мое имя, Кендалл. Не будь мне так плевать... это бы возбуждало.

— Ты играешь не честно, Грекхэм, клянусь богом, я...

— Да ладно тебе, красавица, — он явно наслаждается моим страхом, очевидно дразня меня. — Ты так властно командовала мной всю дорогу... теперь я хочу услышать это живую, когда ты не сможешь спрятаться от меня за своим микрофоном.

И от этого признания напряжение между нами через наушники становится настолько осязаемым, густым и горячим, что у меня перехватывает дыхание. Его хриплый, вкрадчивый шепот заставляет краску мгновенно прилить к моим щекам, ведь это звучит слишком грязно и вызывающе даже для него, но... Роуэн не медлит ни секунды. Он тут же выжимает из своей машины абсолютный максимум, хитро обходит соперника по внешней траектории и пересекает чертову финишную черту пятым.

Это его лучший результат в текущем сезоне, поэтому все вокруг на командном мостике моментально начинают бурно праздновать, шумно хлопать друг друга по плечам и радостно поздравлять с успехом. Я же тяжело, прерывисто выдыхаю в микрофон и, совершенно не контролируя себя, тихо произношу лишь ему одному:

— Хороший мальчик, Роуэн.

Пит-стоп №6. Роуэн

Джидда, Саудовская Аравия

Шестнадцатое апреля

Я раздраженно шагаю вслед за суетящейся сотрудницей аэропорта, направляясь к единственной работающей стойке аренды автомобилей. На ходу я мысленно проклиная поднявшуюся песчаную бурю, которая в один миг спутала абсолютно все мои карты, и Хэйза с его вечными, жесткими требованиями быть на месте вовремя, лишая меня малейшей возможности пропустить чертов медиа-день. Потому что именно из-за этих гребаных правил я вынужден торчать в этом Богом забытом и душном региональном аэропорту посреди пустыни, куда диспетчеры экстренно посадили мой частный джет из-за разгулявшейся стихии. Вокруг стоит оглушительный шум, в маленьком терминале царит дикая суета, а в воздухе буквально висит раздражение толпы людей, оказавшихся точно в таком же паршивом положении, что и я.

Нам наотрез запрещают продолжать полет, никто из сотрудников даже близко не может сказать, когда все это закончится, а у меня остается меньше шести часов, чтобы оказаться в Джидде. Все, что они могут мне сейчас предложить — это добираться до места назначения самостоятельно на какой-нибудь чертовой машине.

Поэтому я сворачиваю за угол коридора и резко замираю, замечая у стойки до боли знакомую копну темных волос. Я очень хочу оправдаться перед самим собой тем, что мне просто кажется, и я не могу с такого расстояния со стопроцентной точностью определить человека по одной лишь прическе, но когда дело касается чертовой Кендалл Хартман...

— Что ты здесь делаешь? — я стараюсь звучать максимально небрежно, неторопливо подкатывая к ней, но тут же замечаю на ее плечах слишком знакомую плотную ткань.

— А на что это похоже, Грекхэм? Пытаюсь добраться до Джидды, — она явно злится, ее голос звучит чертовски устало, и она упрямо не спускает глаз с подошедшей со мной сотрудницы, которая тут же встает за стойку к своей коллеге, работавшей с Хартман. — Я торчу здесь уже второй час, и мои документы все еще не в порядке. В смысле, я понимаю, что это не ваша вина, но мой босс убьет меня...

— Ее босс будет в порядке, — бесцеремонно вмешиваюсь я, переводя тяжелый взгляд на Кендалл. — Ты уверена, что сможешь вести машину в такую погоду? Там едва ли видно саму дорогу, не говоря уже о разметке и...

— Теперь ты сомневаешься в моих водительских навыках, Грекхэм? У меня проблема со страховкой, а не с водительскими навыками.

— Я больше, чем уверен, что ты прекрасный водитель, красавица, просто... место пассажира тебе идет куда больше.

— И почему же?

— Дайка подумать... может, потому что ты слишком сильно любишь командовать и диктовать, кто и как именно должен водить?

— Теперь подобные инструкции выдают пассажиры? Тогда водитель явно не так хорош, как он о себе думает.

Внутри меня начинает закипать глухая злость, как минимум потому, что за все это время она так на меня ни разу и не взглянула. В этот момент я опускаю глаза ниже и замечаю знакомую дырку на рукаве ее толстовки — она одета не просто в фирменный мерч «Синих пантер» с моим гоночным номером на спине... она, черт возьми, стоит передо мной в моей личной толстовке, которую я отдал ей после того ливня полтора месяца назад.

— Я согласна на любой автомобиль, — Кендалл упрямо поворачивается обратно к менеджеру. — Минивэн, кабриолет, да хоть школьный автобус, и...

— Боюсь, это невозможно, — виновато поджимает губы сотрудница за стойкой. — У нас остался последний автомобиль, и...

— Нам подходит, — твердо перебиваю я, выкладывая свои документы на стойку. — Просто оформите его на меня, чтобы не возникло никаких проблем.

— На тебя?! — брюнетка резко хмурится и наконец-то поворачивается ко мне лицом. — Я первая оказалась здесь, Грекхэм.

— И что это значит? Какая вообще разница, на кого она

оформлена?

— Такая, что мне не на чем будет ехать.

— Поедем на одной, — я простодушно дергаю плечами, забирая у сотрудницы бумаги на подпись. — Нам нужно в одно и то же место к одному и тому же времени. Это называется быть попутчиками, красавица.

— Мы не можем ехать вместе, и ты знаешь это.

— Не то, чтобы у тебя сейчас был выбор, Кендалл. Это последняя машина и мы начинаем отставать от графика. Можешь продолжать упрямиться, но я уверен, Кристиан предпочтет, чтобы его главный инженер присутствовал на рабочем месте не важно, как именно он туда добрался, чем строил из себя недотрогу. Да и к тому же... разве это не будет подозрительно, что мы встретились здесь случайно, но ты отказалась ехать со мной?

Я вижу, как Кендалл напряженно обдумывает мои слова: на ее лице отражается внутренняя борьба, когда она косится на меня из-под своих очков.

— Я позвоню ему и все объясню. Если он будет не против...

— Пока ты будешь проводить свой социальный опрос, мы оба останемся без машины, Хартман.

Ее бесконечное упрямство и нелепые попытки найти другой выход посреди пустыни в два часа ночи начинают вызывать у меня сильное раздражение, отдающее отчетливой пульсацией в висках. Я прекрасно вижу, что она едва стоит

на ногах от дикой усталости, но все равно продолжает упрямо выстраивать между нами стену из своих должностных инструкций, отчего мое терпение окончательно лопаается.

— Я в любом случае уеду отсюда — не важно, с тобой или без тебя.

Кендалл нервно закусывает край нижней губы, быстро и пристально всматриваясь в мое лицо, словно пытаюсь найти там какой-то необходимый ей ответ, и...

— Мы возьмем машину.

В ее потемневшем взгляде отчетливо читается смесь полной обреченности и подступающего страха перед этой совместной поездкой, поэтому я не даю ей ни единой возможности передумать: резко перехватываю длинную ручку ее чемодана, как только мне возвращают документы и ключи, и, больше не оборачиваясь, уверенно качу его в сторону выхода на темную парковку, отчетливо слыша ее нерешительные шаги прямо за своей спиной.

Я действительно не хочу ехать с ней в одной машине — эта девушка раздражает меня до чертиков и слишком часто врывается в мою размеренную жизнь, принося за собой сплошной хаос, но при этом... я просто физически не могу оставить ее здесь одну посреди ночи. Не после того, как технически благодаря ей я взял поул на прошлом Гран-при в Бахрейне, потому что на тестах она лично обеспечила меня высокой позицией, вовремя исправив критическую ошибку Гэри.

Я не хочу признавать ее правоту, не хочу слышать ее голос в своих наушниках и не хочу видеть ее в своем гараже, но она упрямо оказывается там раз за разом, и я просто не могу от нее избавиться, что бы я ни делал.

— Давай ключи, — настойчиво требует девушка, как только я со стуком закрываю багажник старого пикапа, сложив туда наши чемоданы.

— Извини?

— Я поведу.

— С чего бы это?

— Через пять с половиной часов ты должен будешь раздавать интервью, и...

— Поэтому я единственный, кто сможет доставить нас туда за четыре. Я Роуэн...

— ...мать его, Грекхэм. Да, да, я помню. Но ты должен отдохнуть, и...

— Это чертовски мило, как ты заботаешься обо мне, красавица, — заявляю я, плавно сокращая расстояние между нами так, что она почти врывается спиной в пассажирскую дверь, — но ты сама едва стоишь на ногах, так что прекрати со мной спорить и позаботься о себе.

— Но...

— Иначе мне придется сделать это за тебя, Кендалл.

Я протягиваю руку и едва касаюсь ее кожи, но лишь для того, чтобы уверенно открыть для нее тяжелую пассажирскую дверь. Хартман на секунду замирает, а затем, тяжело

выдохнув, покорно залазит внутрь пикапа.

Тогда я быстро обхожу машину, сажусь на водительское кресло и решительно завожу мотор, который отзывается глухим, ворчливым урчанием. В салоне мгновенно разливается тепло, и я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на сидящую рядом девушку, хотя, как только мы выезжаем из закрытого ангара аэропорта и попадаем в эпицентр бушующей песчаной бури, Кендалл заметно напрягается, испуганно вжимаясь в сидение рядом со мной.

Благодаря тусклому уличному освещению терминала я аккуратно выезжаю за пределы охраняемой зоны аэропорта, и в этот момент напрягаюсь сам. Наедине с собой я был бы в разы более расслабленным, езда вслепую для меня привычное дело, но теперь... все иначе. Прямо сейчас я головой отвечаю за нас двоих, и все же меня начинает откровенно бесить наша черепашья скорость.

В течение следующего часа из-за ужасной видимости на дороге мы едем чертовски медленно. Ночная пустыня за стеклом превращается в плотную, ревущую стену из песка и пыли, фары пикапа едва пробивают эту желтую муть, и я практически не вижу асфальта перед капотом, но, как ни странно, эта задержка меня вовсе не злит, а скорее сильно напрягает, заставляя до боли сжимать пальцами кожаный руль.

Я чуть расслабляюсь лишь тогда, когда краем глаза замечаю, что упрямая девушка на сидении рядом наконец-то

уснула. Я бросаю на нее быстрый, мимолетный взгляд, замечая, как экран ее планшета окончательно тухнет: она упорно работала с графиками прямо от самого аэропорта до этого момента вместо того, чтобы просто отдыхать, но накопившаяся усталость в итоге победила. Я осторожно перехватываю руль левой рукой, а правой аккуратно натягиваю на ее плечи мою же толстовку, которую она сняла перед сном, чтобы укрыть Кендалл и она не замерзла под кондиционером — я сразу же возвращаю руки на руль, когда мои пальцы случайно касаются ее голой шеи, отчего по телу моментально пробегают странный разряд.

В такой напряженной тишине я провожу больше половины нашего пути, и останавливаюсь возле заброшенной, тускло освещенной остановки, чтобы воспользоваться общественным туалетом, когда песчаная буря наконец полностью прекращается. У нас в запасе еще два часа, но у меня до этого были безлимитные напитки в собственном джете, так что медлить больше нельзя.

— Уже приехали? — почти подпрыгивает на месте Кендалл, когда я резко глушу мотор пикапа.

— Пятиминутный перерыв. Можешь размять ноги и все такое.

Она выглядит чертовски сонной, растрепанной и совершенно не понимающей, что происходит вокруг, что в эту секунду кажется мне чертовски милым. Но Кендалл ничего не отвечает, лишь молча кивает мне в ответ, и я тут же торопли-

во распахиваю собственную дверь, чтобы перестать так откровенно на нее пялиться.

Я выбираюсь из душного салона машины наружу, где стоит плотная, сухая жара, но мое тело после стольких часов за рулем почти не болит. Я все-таки вожу чертов болид больше половины своей жизни в гораздо более жестких условиях, поэтому, толком не разминаясь, я сразу направляюсь в сторону невысокого бетонного здания уборной: быстро нахожу мужские кабинки и трачу пару минут на все свои нужды.

Возвращаясь обратно к пикапу, я замечаю, что Кендалл все еще нет в салоне. Ее пассажирское сиденье пусто, на нем лишь сиротливо лежит моя толстовка, поэтому я лениво наваливаюсь спиной на металлический капот и решаю просто ее подождать.

Спустя минут пять я нетерпеливо проверяю наручные часы, чтобы убедиться в том, что ее действительно нет уже довольно долго, но время неумолимо идет вперед: так проходит еще пять минут, затем десять, пятнадцать. Внутри меня начинает медленно разрастаться глухое, липкое волнение, а воображение услужливо подкидывает не самые приятные картинки ночной пустыни. Я не выдерживаю, быстрым шагом направляюсь к бетонному зданию и решительно толкаю деревянную дверь.

— Кендалл? — громко произношу я, когда без раздумий вхожу прямо в женскую уборную.

— Дааа? — неуверенно и тихо тянет она откуда-то из глу-

бины помещения.

— Ты... в порядке?

Она явно тяжело и прерывисто вздыхает, а затем смущенно, едва слышно произносит:

— Я... застряла.

— Извини? — я удивленно хмурюсь, останавливаясь посреди тусклой комнаты.

— Я застряла в чертовой кабинке, Грекхэм! У меня заело замок и...

Это звучит настолько нелепо и неожиданно, что я вдруг не выдерживаю и громко смеюсь на всю уборную.

— Почему ты не позвонила?

— Позвонила?! — моментально начинает злиться Кендалл, и в ее голосе просыпаются привычные боевые нотки. — Начнем с того, что у меня нет твоего черного номера, Роуэн, а закончим тем, что я в целом не могу иметь его по регламенту нашей команды, и...

Мой внезапный приступ смеха постепенно смолкает, и на его место приходит чертовски сильное раздражение. Эти ее вечные дурацкие правила и должностные инструкции начинают все сильнее бесить меня, особенно когда они буквально доходят до полного, несусветного абсурда.

— Прекрати это.

Я резко перебиваю ее гневную тираду и уверенно иду на звук ее голоса к нужной мне двери — это оказывается самая крайняя кабинка у глухой кирпичной стены. Снизу у нее

вообще нет свободного пространства, а сверху перегородка сделана слишком высоко, так что даже я со своим ростом под метр девяносто едва достаю до края, приподнимаясь на носочках. Я крепко хватаюсь за ручку, с силой дергаю плотную дверь на себя, но она даже не двигается и не поддается ни на миллиметр.

— Там есть... унитаз? — хмурюсь я, понимая, что дверь открывается на меня, а значит, я физически не смогу ее выбить.

— Нет. Только чертова дырка в полу. По-твоему, я не пыталась сама отсюда выбраться?!

— Хорошо, тогда... тебе лучше отойти к противоположной стене.

Я тяжело выдыхаю, оценивая высоту перегородки, а затем резко подпрыгиваю, крепко цепляюсь пальцами за ее верхний шершавый край и легко подтягиваюсь на руках, без лишних усилий перекидывая свое тело внутрь ее кабинки. Я аккуратно спрыгиваю на грязный бетонный пол, где свободного пространства оказывается критически мало. Здесь настолько тесно, что стоит мне выпрямиться в полный рост, как ее грудь тут же плотно упирается прямо в мою грудную клетку.

— Сегодня явно не твой день, красавица.

— Любой день «не мой», когда я сталкиваюсь с тобой, Грекхэм. Какого черта ты здесь?!

— Я не могу выбить дверь, а тебе — не от чего оттолк-

нуться. Я подсажу тебя и...

— Еще чего. Я похожа на гимнастку?

— Не то, чтобы у тебя был выбор, Кендалл. Либо так... либо мы тут застряли.

Она раздраженно пытается выглянуть из-за моей широкой спины, чтобы оценить замок, но места в этой коробке так мало, что она едва не ударяется головой о кирпичную кладку стены, но я вовремя срезаю траекторию и подставляю свою ладонь, так что ее мягкая макушка упирается прямо в мою руку, а не бьется о жесткий камень.

— Ладно, — сдается она, шумно выпуская воздух сквозь зубы. — Просто подсади меня и...

Кендалл пытается неуклюже протиснуться между мной и стеной, заставляя меня сделать шаг назад и пропустить ее вперед. Но пространства в кабинке едва хватает на нас двоих, и ее округлый зад слишком опасно и медленно скользит по моим бедрам, заставляя член болезненно дернуться в тесных штанах. Я слишком давно не был в такой опасной, удушающей близости с красивой девушкой, и это чертовски сильно сказывается на моем контроле.

— Соедини руки в замок.

— Извини? — хмурюсь я.

— Я встану тебе на руки и...

— Красавица, ты можешь сесть на мое лицо, поверь мне — я буду только за, но твоя подошва никогда в жизни не окажется на моих ладонях после этой уборной.

— Роуэн...

— Я серьезно, Кендалл. Развернись.

— После такого заявления?! Еще чего.

— Не будь такой упрямницей.

Мои ладони опускаются чуть ниже ее талии, ложась прямо на обтянутые тканью бедра: я крепко сжимаю пальцы и одним уверенным движением резко оборачиваю ее к себе спиной, заставляя Кендалл испуганно затаить дыхание, когда ее зад в процессе снова едва заметно задевает мой твердый сто-
як.

— На счет три я подсажу тебя, и...

— Пока что ты лишь распускаешь руки.

— ...ты зацепишься руками за перегородку, а правой ногой упрешься в ручку, чтобы перекинуть левую, хорошо?

— Ладно, но...

— Никаких «но», красавица. На счет три — раз, два...

— ...три.

Я с силой подбрасываю ее вверх в тот самый момент, когда она послушно подпрыгивает, в точности выполняя мою инструкцию: ее нога уверенно цепляется за едва заметную металлическую ручку двери, из-за чего ее обтянутый шортами зад на секунду оказывается слишком близко к моему лицу. Это чертовски красивый, сводящий с ума вид, но я волевым усилием заставляю себя оторвать от него взгляд, просто чтобы убедиться, что она в полной безопасности окажется на той стороне.

— Как хороша свобода, — устало и облегченно выдыхает девушка с другой стороны перегородки, пока я сам легко подпрыгиваю, цепляюсь за край и перелезаю следом за ней.

— Успела по мне соскучиться?

— Не в этот раз, Роуэн.

— Но у меня все еще есть шансы на следующий, верно?

Кендалл лишь выразительно закатывает глаза, демонстративно включает воду, тщательно моет руки под краном и быстрыми шагами выходит из уборной. Внутри меня мгновенно начинает закипать стальная, глухая злость — я тоже наспех споласкиваю руки ледяной водой, выхожу на улицу, но эта ярость буквально давит мне на виски. Эта девушка постоянно выводит меня из себя, упрямо отталкивает каждый раз, когда я оказываюсь рядом, чтобы просто помочь, и... какого черта я вообще хочу ей помочь?!

Я молча подхожу к старому пикапу и запрыгиваю на водительское сидение — в этот раз Кендалл без привычных споров и колких возражений сама забралась на соседнее пассажирское место — и привычным движением завожу двигатель. Меня дико бесит она, бесит вся эта дурацкая ситуация и, честно говоря, бесит вся моя чертова жизнь, но... единственное, о чем я действительно могу думать, пока выкручиваю руль и выезжаю на ровную дорогу — почему же ее бешу я?

Пит-стоп №7. Кендалл

Майями, США

Третье мая

Тяжелая папка с отчетами больно врезается в ладони, пока я в очередной раз иду по коридору, послушно выполняя чужую работу, за которую все лавры и похвалу снова незаслуженно заберет себе какой-то мужчина. Внутри все буквально клокочет от этой несправедливости, но я лишь сильнее стискиваю зубы, привычно задвигая свою обиду поглубже.

В узком вечернем моторхоуме «Синих пантер» стоит невыносимая, душная теснота: влажный воздух Майями продолжает душить тяжелым сорокоградусным пеклом даже после захода солнца, и от этого липкого кошмара не спасают даже мощные командные кондиционеры, работающие на пределе возможностей. Вокруг меня мужчины-сотрудники спокойно разгуливают в легких брендированных футболках и свободных шортах из летнего комплекта униформы, но я упрямо продолжаю кутаться в плотную строгую рубашку с длинным рукавом и закрытые классические брюки прямого кроя. Я нервно поправляю пальцем вечно сползающие очки на переносице, судорожно проверяя распечатанные документы в руках, чтобы ни в коем случае не задерживаться в личном пространстве самого несносного, невыносимого мне

человека на всем белом свете. Мне просто нужно отдать бумаги, получить на них подпись и уйти, но я уже заранее морально настраиваю себя на самый худший сценарий.

Сегодня Роуэн снова провалил квалификацию — он в очередной раз глупо доверился Гэри, который продолжает поддакивать любому его капризу и слепо полагаться на хваленые инстинкты самого пилота вместо точных цифр. Из-за этого Грекхэм полностью заporол сегодняшнюю квалификацию, а это значит — завтра на самом Гран-при он будет стартовать одним из последних, в самом хвосте пелотона. Максимум, на что он теперь может рассчитывать при самом удачном раскладе и с использованием моих индивидуальных инженерных настроек — это шестое место. Но станет ли этот упрямый мужчина использовать их? Я чертовски сильно в этом сомневаюсь.

Я уверенным шагом подхожу к личной комнате отдыха Роуэна и дважды стучу в плотную дверь, но в ответ мне отзывается лишь глухая, давящая тишина. Прекрасно зная его невыносимое упрямство, я не собираюсь стоять под дверью до самого утра, поэтому решительно дергаю металлическую ручку вниз и захожу внутрь без официального приглашения.

— Грекхэм?

В комнате царит полумрак, а кондиционер работает на такой дикой мощности, что от ледяных потоков воздуха по коже мгновенно пробегают мурашки. Прямо посреди небольшого пространства стоит огромная, круглая технологичная

бочка, до самого верха наполненная ледяной водой и крупными, медленно тающими кубиками льда. Внутри нее неподвижно сидит Роуэн: его мощные голые руки расслабленно лежат по краям борта, а голова опущена так низко, что мокрые темные волосы полностью закрывают лоб, и... выглядит это как минимум небезопасно.

— Роуэн? — переспрашиваю я, делая шаг вперед, но он упорно продолжает молчать.

Мое глухое раздражение в одно мгновение сменяется липким, удушающим страхом. Его тяжелый гоночный комбинезон и мокрое термобелье небрежной кучей сброшены прямо на пол у входа, а широкие плечи и рельефные руки покрыты крупными мурашками и напряжены до предела. В горле моментально встает плотный ком, потому что после безумной двухчасовой нагрузки в кабине болида при сорокаградусной жаре сидеть в ледяной ванне с опущенной головой — это чистой воды самоубийство.

— Роуэн! Роуэн, посмотри на меня!

Я с грохотом бросаю планшет и важные бумаги на ближайший стул, наплевав на всю субординацию, и испуганно бросаюсь прямо к бочке. Роуэн дышит тяжело и прерывисто, его кожа пугающе бледная, покрытая испариной и крупными ледяными каплями, а губы уже слегка посинели от резкого термического удара. Я судорожно хватаю его за холодные мокрые плечи и пытаюсь приподнять его голову, чувствуя под ладонями твердые, как камень, мышцы и обжигающий

холод его кожи.

— Красавица? — хрипит он, едва в состоянии качнуть головой и с трудом разлепляя веки.

— Тебе нужно выбирать, слышишь?! Немедленно! Я позову врача и...

— Нет.

Он резко дергается всем телом, и судорожно перехватывает мое запястье своими ледяными пальцами, от чего его бледное лицо оказывается слишком близко к моему. Дыхание мгновенно спирает, сердце пропускает болезненный удар, а по позвоночнику проносится волна сумасшедшего жара, несмотря на холод в его комнате.

— Никаких врачей, Хартман. Клянусь богом, если меня отстранят...

— ...ты останешься в живых?! Вот это досада!

Дикая злость и паническое волнение одновременно взрываются во мне, заставляя ругаться сквозь зубы самыми грязными словами, какие я только знаю. Мне приходится вплотную прижаться бедром к мокрому борту бочки, чтобы помочь ему подняться: я с силой перетягиваю его тяжелую руку себе на плечо, а второй ладонью ныряю прямо в ледяную воду, обхватывая его твердую голую талию. Роуэн, тяжело дыша, опирается на меня всем своим весом, медленно поднимаясь со дна ванны, и я тут же изо всех сил тяну этот огромный, тяжеленный монолит мышц на себя, помогая ему перебраться через высокий край и...

Ледяная, растаявшая вода из бочки широким водопадом хлещет прямо на меня: моя рубашка мгновенно промокает насквозь, прилипая к груди и животу как вторая кожа, а классические брюки тяжелеют от влаги и липнут к ногам, но мне абсолютно плевать на это — я упрямо тащу его дрожащее тело в сторону небольшого кожаного дивана, чтобы наконец привести его в чувства.

— Нам нужно тебя согреть.

— Я буду в порядке, красавица.

— Либо это сделаю я, Грекхэм, либо через минуту здесь будут все врачи паддока во главе с Хэйзом.

Я начинаю откровенно злиться из-за его непробиваемого упрямства, пока тело Роуэна начинает бить крупная, неконтролируемая дрожь — закономерная реакция организма на резкое переохлаждение после дикого перегрева. Я торопливо хватаю темно-синий плед с подлокотника дивана, набрасываю его на широкие плечи гонщика, тут же одним движением полностью вырубая настенный кондиционер и, схватив махровое полотенце, без раздумий оказываюсь перед ним на коленях прямо между его раздвинутых ног.

Я уверена, что будь Роуэн в полном здравии и в состоянии анализировать происходящее вокруг, он бы ни за что не воздержался от парочки привычных грязных комментариев, но... сейчас он явно не в себе: его мощное тело бьет крупная дрожь, дыхание со свистом вырывается из груди, а губы остаются пугающе бледными. Поэтому я первым делом

агрессивно и жестко растирать полотенцем его мокрую грудь и плечи — нам нужно разогнать застоявшуюся кровь по сосудам и вернуть тепло к его сердцу, чтобы он смог нормально дышать без угрозы внезапного спазма.

— Ты идиот, Грекхэм. Четыре титула — а мозгов как у семилетнего картингиста. Ты мог словить остановку сердца и...

— Не делай вид, будто тебе не плевать, Кендалл.

— Будь это так — меня бы здесь не было.

— Действительно. И почему же ты здесь?

— Потому что в свободное от работы время я, судя по всему, подрабатываю нянкой для мужчин с завышенным самомнением.

— Значит, вы видите с Митчем после работы? Ты все-таки хочешь, чтобы я ревновал, верно?

Я раздраженно закатываю глаза, чувствуя, как злость закипает внутри меня с новой силой, и быстрым движением плеча поправляю сползающие очки на переносице. Когда грудная клетка Грекхэма становится слишком красной от моих активных движений, я спускаюсь ниже к его ногам и начинаю с силой тереть его холодную лодыжку полотенцем, постепенно поднимаясь все выше по крепкому бедру. Широкие мышцы Роуэна под моими пальцами тут же заново каменеют и напрягаются, а его потемневший, затуманенный болью взгляд медленно фокусируется прямо на мне, пока я упрямо пытаюсь помочь ему окончательно прийти в себя.

Но у самого бедра — буквально в паре сантиметров от края его мокрых купальных шорт — Роуэн резко перехватывает мою руку. Он жестко останавливает мои движения, заставляя меня поднять голову и посмотреть прямо на него: в его карих глазах моментально вспыхивает тот самый знакомый, невыносимо дерзкий огонек, и он неторопливо, оценивающе осматривает меня сверху вниз. В полумраке комнаты повисает густая, звенящая тишина, в которой слышно лишь наше прерывистое дыхание и его очередной чертов сарказм:

— Я все-таки сделал это.

— Что именно?

— Заставил тебя намокнуть.

— Не будь таким придурком, Роуэн.

Я резко выдергиваю свою руку из его цепкой хватки и демонстративно возвращаюсь к его другой лодыжке, изо всех сил стараясь игнорировать то, как именно он на меня смотрит.

— Точно. Тебе ведь нравятся «хорошие мальчики», верно? Как я мог такое забыть!

— Тебе и не обязательно это помнить. К тебе это никак не относится.

— И все же ты на коленях между *моих* ног, красавица.

Я тут же испуганно замираю на месте, только сейчас осознавая, в каком именно виде и позе я стою перед ним — мои щеки мгновенно вспыхивают от смеси из стыда и ярости, ведь моя строгая рубашка от ледяной воды стала прак-

тически прозрачной, плотно облепив тело и слишком четко очерчивая контуры нижнего белья. Это выглядит безумно непрофессионально и двусмысленно с моей стороны, поэтому я тут же подрываюсь с колен и судорожно тянусь к бумагам на стуле, с которыми изначально пришла.

— Что ж, вижу, тебе уже лучше.

— С таким-то доктором? Еще бы!

— Подпиши это.

— А если не стану?

— Роуэн, — устало и тяжело выдыхаю я, складывая руки на груди, чтобы хоть как-то прикрыться от его слишком внимательного взгляда, — подпиши это, иначе я пришлю сюда Кристиана.

— Отлично. Самое время обсудить твою связь с водителями.

— Извини?

— Вы с Митчем... слишком близки, тебе не кажется?

— Ты это несерьезно, Грекхэм.

— Оо, поверь мне, красавица, я чертовски серьезен. Все, что я от тебя слышу — это «Митчелл, Митчелл, Митчелл». Так что такого он делает, что, по твоему мнению, не могу сделать я?

Он начинает медленно подниматься с дивана, сбрасывая плед со своих плеч, и делает один широкий шаг прямо на меня. В его движениях сквозит глухая злость, он весь напряжен, и я отчетливо понимаю, что он просто агрессивно за-

щищается оттого, что я только что увидела его уязвимым.

— Как минимум — МакРей не ведет себя как придурок.

— А как максимум? Что тебе нравится?

— Когда меня уважают, Роуэн.

— И что ты тогда предлагаешь? Хочешь... заставить меня умолять?

— Хочу — чтобы ты прекратил это...

— Да, да, ты это уже говорила.

— ...и начал слушать меня, когда я предлагаю тебе свои настройки.

— Я бы так и сделал, будь я в них уверен.

— Тогда чего ты хочешь от меня, Грекхэм?

— Поверь мне, красавица, у меня чертовски длинный список таких пожеланий, но я не уверен, что тебе понравится хоть одно из них.

Роуэн делает еще один шаг в мою сторону, забирает ручку и небрежно, размашисто подписывает бумаги с техническим отчетом. По его жесткому лицу видно, что он предельно серьезен и совсем не шутит, пока мои щеки продолжают пылать от смущения. Я прекрасно знаю, что он делает это специально, просто чтобы в очередной раз вывести меня из себя и поиздеваться, но это уже давно перешло грань обычного раздражения и превратилось в настоящую злость. Стоит его ручке соскользнуть с последнего листа, как я буквально вырываю бумаги из его пальцев, отчаянно желая оставить последнее слово за собой.

— Тогда тебе следует быть осторожнее с желаниями, Грекхэм. Вдруг ты захочешь, чтобы я тебя придушила, но... не уточнишь, как именно. Будет неловко, если ты вдруг уточнешь в этом корыте.

Я резко разворачиваюсь на каблуках и буквально выбегаю из его темной комнаты отдыха в душный, залитый неоновым коридор моторхоума. Сердце колотится в ушах как сумасшедшее, мокрая, холодная одежда неприятно липнет к коже, а перед глазами все еще упрямо стоит его полуобнаженный мокрый торс, рваное дыхание, ощущение моих ладоней на его бедрах и все те грязные, смущающие вещи, которые он мне наговорил. Я пытаюсь убедить себя, что он говорит это несерьезно, что все это не имеет ко мне никакого отношения, ведь он просто пытается найти способ выбить меня из колеи, чтобы я не лезла к нему со своими расчетами, но...

Роуэн из раза в раз переходит профессиональную черту, и если однажды я не выдержу и сделаю то же самое — моей карьере в Формуле-1 мгновенно придет конец.

Пит-стоп №8. Роуэн

Имола, Италия

Девятнадцатое мая

Я выхожу из своего гостиничного номера, вызываю лифт и тяжело прислоняюсь плечом к стене в ожидании кабины. Тело все еще противно гудит от жестких гоночных перегрузок прошедшего Гран-при, а по венам лениво гуляет невыжженный заезд адреналин. На часах уже два часа ночи, но я никак не могу уснуть, поэтому решаю спуститься в круглосуточный спортзал отеля, чтобы просто до одури избить боксерскую грушу и наконец выбить из своей головы очередной паршивый прошедший день.

У меня снова пятое место. Чертовое пятое место с шестнадцатой позиции на стартовой решетке, и все это произошло исключительно благодаря чертовым настройкам Кендалл. Очевидно, я не использовал их полностью — будь это так, я бы взял первое место, как это сделал Митчелл — но я просто смешал ее цифры со своими собственными. Я все еще не доверяю ей свою жизнь на сто процентов, но вынужден сквозь зубы признать: ее данные работают. Меня до безумия бесит эта зависимость от девушки-инженера, бесит тот факт, что она оказалась права, поэтому сейчас мне просто жизненно необходимо выместить всю эту скопившуюся злость на тяжелом железе в зале.

Лифт наконец издает короткий электронный звук, двери плавно разъезжаются в стороны, я уже на автомате делаю уверенный шаг внутрь кабины и...

— Ну конечно.

Я резко поднимаю голову на тихий знакомый голос и на секунду замираю на месте. В абсолютно пустой кабине стоит Кендалл: на ней нет ее привычных очков — они сдвинуты на макушку, и без того темные волнистые волосы выются еще сильнее, потому что они все еще влажные после душа, и даже на расстоянии я отчетливо чувствую их тонкий, сладковато-цветочный аромат. На ней нет привычной закрытой рубашки и строгих офисных брюк — лишь белоснежная обтягивающая майка и спортивные серые штаны, но... даже такой домашний вид кажется мне чертовски непривычным.

— И я рад тебя видеть, красавица, — язвлю я, делая еще один шаг в кабину.

Тяжелая дверь за моей спиной тихо закрывается, когда я становлюсь прямо напротив девушки, повторно нажимая пальцем на кнопку первого этажа. Она тут же делает шаг назад, вжимаясь лопатками в стенку лифта, будто физически не может находиться со мной рядом, и это движение моментально начинает меня злить.

— Не поздновато ли для свидания? — хмурюсь я, и мой собственный голос в тишине кабины звучит слишком серьезно и хрипло.

— Свидания?

— Вряд ли ты собралась в таком виде пойти в спортзал, красавица. Митч уже ждет тебя в своем номере с открытым шампанским или...

— Ты это серьезно, Грекхэм? Тебя слишком сильно волнует моя личная жизнь.

— Время два часа ночи, Кендалл. Я хочу знать, куда ты собралась в этом... подобии одежды.

— Это не твое дело, вообще-то.

— Неужели? Когда что-то привлекает мое внимание — это становится моим делом, красавица.

— Прекрати это.

— Как только ты ответишь на мой вопрос.

— Это тебя не касается.

Внутри меня мгновенно закипает глухая, обжигающая злость, которая заставляет кровь шуметь в ушах. Я до боли сжимаю кулаки, делая один резкий шаг вперед и буквально нависая над ней своим телом, заставляя ее поднять голову.

— Только дай мне повод, и я коснусь тебя, Кендалл.

— И что потом? Проводишь меня до бара?

— До бара? — я удивленно хмурюсь, вглядываясь в ее упрямое лицо. — Собираешься напиться или..?

— Я хочу поужинать, ладно?! — срывается она, делая разъяренный шаг вперед, еще ближе ко мне, так что я чувствую жар ее кожи. — Из-за твоей истерики после Гран-при нас задержали на техническом брифинге, и я опоздала на ужин.

— Вы... только вернулись?

— Вы?! — злостно хмыкает она. — По-твоему, меня дождалась развозка?!

— Ты сказала об этом Хэйзу? Гэри и остальные...

— Гэри и остальным — плевать, Роуэн. И тебе — должно быть тоже. Я чертовски сильно устала, поэтому давай сегодня обойдемся без этого.

— Я поговорю с Кристианом и...

— Нет. Не смей вмешиваться.

— Но ты...

— Я сказала нет, Грекхэм. Я не просила твоей помощи.

Между нами остается слишком мало свободного места в этом и без того крохотном, замкнутом пространстве лифта. Она прерывисто дышит, ее маленькая грудь часто вздымается прямо передо мной, а ее взгляд упрямо прикован к моим губам, пока воздух вокруг нас сгущается настолько, что становится трудно сделать вдох.

— Ты... будешь ужинать одна?

— Это не твое дело, Грекхэм.

— Я просто хочу знать, что ты в безопасности и...

— Я могу постоять за себя.

— Это вообще не должно быть необходимостью, красавица.

— И, по-твоему, это моя вина?

— Ну... ты выглядишь так, будто остро нуждаешься во внимании или... ты так сильно хотела заполучить его от ме-

ня?

— Мне не нужно ничье внимание, Грекхэм, — выплевывает она, — но просто чтобы тебе было о чем подумать в спортзале... на мне нет белья.

Она намеренно расцепляет свои руки с груди и упрямо упирается ладонями в бока. Мой взгляд против воли медленно скользит от ее горящих яростью глаз вниз и намертво останавливается на отчетливых очертаниях ее груди и чертовых сосках — под тонкой белой тканью обтягивающей майки все видно слишком четко, без малейших прикрас. Мое тело реагирует мгновенно — внизу живота проносится волна дикого, неконтролируемого жара. Черт. В горле становится невыносимо сухо, а кулаки сжимаются так сильно, что в тишине отчетливо хрустят костяшки пальцев.

— Ты издеваешься надо мной, Хартман? — мой голос падает до опасного, глухого шепота. — Хочешь проверить, как быстро я забуду, что мы работаем вместе?

— Я хочу, чтобы ты отвалил, Роуэн.

— Я не...

Договорить я так и не успеваю: лифт внезапно замирает на каком-то этаже, и двери тут же медленно разъезжаются, заставляя меня резко отступить от брюнетки и буквально вжаться спиной в зеркальную стену. В кабину шумно вваливается грузный, богато одетый мужчина средних лет, от которого за версту разит дорогим крепким алкоголем. Он покачивается и лишь с третьего раза попадает пальцем

по кнопке первого этажа, пытаюсь закрыть двери поскорее, но... мужчина тут же пялится на Кендалл липким, масляным взглядом, оценивая ее открытую майку, и я чувствую, как мои кулаки в карманах уже сжимаются сами собой от глухого бешенства.

Но мы продолжаем медленно спускаться дальше. Я неотрывно и злобно слежу за светящимся счетчиком этажей над дверью — пятый, четвертый, третий и... чертов лифт резко дергается, издавая скрежещущий металлический звук, и наглухо замирает на месте. В ту же секунду свет в кабине полностью гаснет, и вместо него вспыхивает тусклая красная лампа аварийного освещения, едва выхватывая из темноты силуэты, а по всей шахте разносится оглушительный, истошный вой пожарной тревоги.

— Ну вот, — подает голос пьяный мужик, хватаясь за поручень. — Приехали.

Темнота мгновенно обрушивается на меня тяжелым, удушающим покрывалом, а стены лифта словно начинают медленно сжиматься, лишая меня пространства. В ушах поднимается оглушительный, нарастающий гул, и я отчетливо чувствую, как легкие отказываются принимать этот спертый, неподвижный воздух. Панический страх перед замкнутым пространством, который я так тщательно пытаюсь похоронить в себе годами, ледяной хваткой сжимает мое горло, заставляя сердце бешено колотиться о ребра.

— Охрану уже оповестили, — спокойно говорит Кендалл,

с опаской глядя на меня, будто понимая, что что-то не так. — Если возникнет угроза пожара, нас вытащат в первую очередь. Сохраняйте спокойствие.

— Какая ты умница, — тянет мужчина, игнорируя меня и делая шаг к ней. — Слушай, раз уж мы тут застряли... ты главное не бойся. Я защищу такую *красавицу*, как ты, детка.

— Мне не нужна защита. Встаньте на свое место.

— Да ладно тебе! Мы можем провести время с пользой. Не волнуйся, приятель, — бросает он мне, — я поделюсь ею с тобой, как только закончу.

— Заткнись.

Мой голос выходит глухим, угрожающим рычанием, но я прикладываю колоссальные усилия, чтобы он не дрогнул от нехватки кислорода в легких.

— Оо, какие мы грозные. Расслабься, парень. Посмотри на нее — она же сама напрашивается и...

— Я не буду повторять дважды. Отойди от нее.

Я делаю резкий глубокий вдох, отчаянно пытаюсь усмирить предательскую дрожь в руках, но этот незнакомец только пренебрежительно хмыкает и делает еще один шаг к Кендалл, протягивая свою грязную руку к ее открытому плечу. В этот самый момент я напрочь забываю о темноте и мгновенно перекрываю ее своим телом, буквально впечатывая этого придурка в стену одним своим жестким взглядом.

— Убери руки от моего инженера, — цежу я сквозь зубы.

— Какой она инженер? — мужчина глупо смеется, пыта-

ясь перевести все в шутку. — Ты видел, как она выглядит?
— Она может носить все, что хочет. Ходить хоть голой, но это не дает права такому животному, как ты, открывать свою пасть.

Он снова дергается к ней, упрямо пытаюсь заглянуть мне за плечо:

— Да ладно, она ведь сама хотела моего внимания и...

Я не даю ему договорить ни единого слова — резко хватаю его за лацканы дорогого пиджака и с силой впечатываю спиной в зеркальную стену лифта. Тот испуганно вскрикивает, и вся его алкогольная спесь мгновенно испаряется под моим давлением.

— Ты заставляешь меня повторять тебе дважды.

— Извини... извините! — испуганно лепечет он, забиваясь в самый угол кабины и быстро закрывая голову руками, как только я резко отпускаю его одежду. — Я не знал... я не хотел!

Я тяжело, шумно дышу, глядя на него сверху вниз в тусклом красном свете аварийной лампы, пока паника на мгновение полностью не отступает перед чистой яростью. Я медленно стягиваю через голову свое теплое темно-синее худи, оставаясь в одной легкой футболке, и, даже не глядя на нее, протягиваю одежду назад Кендалл.

— Надень. И прекрати воровать мои вещи.

— Я не виновата, что ты вечно при мне раздеваешься, Роуэн.

— Счита́й, я люблю́ помога́ть нужда́ющимся.

— Тогда́ прекрати́ жда́ть свои́ вещи́ наза́д.

Судя́ по шу́ршанию́ ткани́, она́ ме́дленно́ одева́ется и осе́дает́ прямо́ на грязны́й металличе́ский по́л, и я без лиш́них слов́ дела́ю то же самое́ — са́жусь на по́л ровно́ ме́жду не́й и затихши́м в углу́ пьяны́м мужчи́ной — пото́му что мои́ но́ги внеза́пно стано́вятся абсолю́тно ва́тными. В полумра́ке ли́фта па́хнет пы́лью и га́рью, пронзи́тельный вой́ пожа́рной сигна́лизации́ бе́ет по бараба́нным пере́понкам, а тусќлые вспы́шки красно́го све́та вы́хватыва́ют из те́мноты́ очерта́ния ка́бины, возвра́щая мою́ пани́ку с утро́енной си́лой.

И я и́скренне, до зубо́вного скре́жета́ ненави́жу свое́го от́ца за это́. За то́, что я, взросло́й мужчи́на в свои́ три́дцать ле́т, до сих́ пор до безу́мия бо́юсь черто́вой те́мноты́ и замкнуты́х простран́ств. Я судоро́жно притя́гива́ю но́ги к гру́ди, уты́каюсь ло́ктями в ко́лени и пря́чу в них го́лову, стара́ясь ды́шать каќ можно́ глуб́же и ме́дленнее́, чтобы́ не вы́дать свою́ сла́бость, но... я отче́тливо́ чувствую́ на се́бе приста́льный, изу́чающий́ взгля́д Хартма́н.

Она́ молчи́т и не дела́ет попы́ток прикосну́ться ко́ мне, пока́ я нахо́жусь на грани́ того́, чтобы́ оконча́тельно слома́ться и меня́ до бешен́ства заде́вает то́, что Кендалл́ в оче́редной́ раз ви́дит меня́ в мо́мент мое́й самой́ позорно́й уязви́мости. Она́ появи́лась в мое́й жизни́ имен́но то́гда, ко́гда моя́ карье́ра ру́шится́ на глаза́х, ко́гда я буквально́ отклю́чаюсь от пе́реохла́ждения́ в собстве́нной ко́мнате па́ддока́, е́два в состо́-

нении прийти в себя, как это было на прошлой неделе и теперь... она — одна из немногих в этом чертовом мире, кто видит меня без маски и знает мой самый постыдный страх.

Я отчаянно пытаюсь отвлечься от липкого кошмара в голове и мысленно хватаюсь за любые детали: в памяти мгновенно всплывает то, как в прошлый раз выглядела Кендалл в моей огромной одежде. Сейчас в этой темноте она наверняка выглядит точно так же, если не лучше. Более правильной, какой-то безумно домашней и уютной... как же хорошо, что я сейчас не могу этого видеть.

Благо из темных коридоров отеля наконец начинают доноситься приглушенные голоса и тяжелые шаги. Кабина лифта сильно дергается, давая понять, что мы намертво застряли где-то между этажами, поэтому, когда спасатели с силой вскрывают тяжелые створки дверей, мы все разом вскакиваем со своих мест. Пьяный мужик тут же пытается выбраться наружу первым, но пол этажа находится слишком высоко, и пожарные кое-как вытягивают его за руки. Я же осторожно касаюсь плеча Кендалл, мягко направляя ее первой к открывшемуся проему — даже с ее довольно высоким ростом ей определенно понадобится моя помощь, чтобы выбраться из этой ловушки:

— Постарайся не распускать свои руки, Грекхэм, — тихо извист она, становясь прямо передо мной.

— Пока сама не попросишь, красавица.

— В твоих мечтах.

— В моих мечтах ты оказываешься без одежды, когда я касаюсь тебя, и...

— Заткнись, Роуэн. На счет три. Раз, два...

— Три, — заканчиваю я и наконец уверенно касаюсь ладонями ее теплых бедер.

Мои пальцы крепко сжимают ее кожу сквозь тонкую ткань штанов, посылая волну обжигающего жара по моим предплечьям. Я легко приподнимаю ее тело вверх, ее тут же бережно принимают сильные руки спасателей на этаже, помогая выбраться, и моментально уводят в сторону выхода из здания, но перед тем как исчезнуть в коридоре, она бросает на меня быстрый взгляд. Я сам цепляюсь пальцами за бетонный пол над головой, подтягиваюсь, принимая помощь подоспевших пожарных, и вокруг становится чуть светлее от мигающих синих и красных ламп тревоги.

— Нам нужно увести вас отсюда! — кричит мне в ухо один из пожарных, настойчиво толкая меня к выходу. — Вторая бригада проверяет очаги возгорания, но все люди должны быть срочно эвакуированы!

Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на его уверенном голосе, пока он выводит меня на прохладную ночную улицу, где уже собралась огромная толпа испуганных постояльцев отеля. Вокруг стоит невыносимый гам, крики, воют сирены спецмашин, но меня все равно никак не отпускает эта удушающая тревога.

Воздуха катастрофически не хватает, грудную клетку стя-

гивает стальным обручем, а перед глазами все начинает плыть и двоиться от подступающей панической атаки. Я судорожно вглядываюсь в лица людей и едва выхватываю ее знакомый силуэт в этой пестрой толпе: Кендалл стоит чуть поодаль, она хмурится и выглядит по-настоящему напуганной, когда замечает меня. Она уже делает медленный шаг в мою сторону, затем еще один, и...

— Ты в норме?

Прямо напротив меня внезапно появляется хмурое лицо Митчелла. Его тяжелая ладонь поддерживающе ложится мне на плечо, и он обеспокоенно вглядывается в мои глаза, проверяя, действительно ли я в порядке. Митч — один из немногих людей в этом паддоке, кто по-настоящему хорошо знает меня. Он знает все, что я пережил, и прекрасно понимает, как именно я могу реагировать на подобные вещи: МакРей действительно может мне помочь, он всегда знал, как это делать, и спасал меня каждый раз, но... прямо сейчас, вопреки всякой логике, я отчаянно хочу видеть рядом вовсе не его. Я хочу видеть Хартман.

Но она больше не делает ни шагу в мою сторону. Наоборот — Кендалл бросает на меня короткий хмурый взгляд, разворачивается и медленно растворяется в шумной толпе постояльцев, пока Митч настойчиво просит кого-то из подошедших парамедиков осмотреть меня. Я раздраженно отмахиваюсь от врачей, стараясь убедить их и самого себя, что я в полном порядке, но мои глаза упрямо продолжают искать ее

в толпе, а внутри все болезненно сжимается от дикой, темной ярости на самого себя, ведь... я искренне ненавижу себя за то, что в эту самую секунду больше всего на свете хочу, чтобы она просто осталась стоять рядом со мной.

Пит-стоп №9. Роуэн

Монте-Карло, Монако

Двадцать четвертое мая

В груди медленно расползается липкое, удушливое отвращение, смешанное с глухой, вибрирующей злостью, и это со-
сущее чувство тотальной потери контроля над собственны-
ми эмоциями злит меня сильнее всего на свете. Весь этот
показной, фальшивый пафос Монако с его сверкающими ях-
тами и натянутыми улыбками всегда вызывал у меня лишь
циничную усмешку, но сегодня меня буквально тошнит от
этого сбора лицемеров. Я намеренно стою в самом даль-
нем, темном углу террасы, в стороне от шумящей толпы, де-
монстративно потягивая из стакана обычную негазирован-
ную воду и безуспешно пытаюсь отвлечься от гнетущих, лип-
ких мыслей. Но как бы я ни старался смотреть на гавань, все,
на чем я могу сосредоточиться в эту секунду — это на чер-
товой Кендалл Хартман.

Она сидит у барной стойки, и выглядит при этом чертов-
ски похожей на саму себя, несмотря на обстановку вокруг.
Это обязательное официальное мероприятие Формулы-1 пе-
ред началом уик-энда, и пока другие девушки-сотрудницы
из всех команд всюю используют этот редкий вечер как ле-
гальный повод нарядиться в красивые платья, чтобы нако-
нец отвлечься от тяжелых рабочих моментов и просто весело

провести время, Кендалл... не изменяет своему привычному стилю. Ее всегда непослушные, дикие выющиеся волосы аккуратно зализаны в тугий гладкий пучок на затылке, очки в толстой оправе все еще сидят на ее красивом лице, а строгая офисная рубашка сменилась на точно такую же по крою, просто сшитую из мягкого белого шелка, а темно-синие командные брюки она заменила на черные, чуть свободные штаны классического кроя. Она все равно выглядит чертовски красиво, но я ловлю себя на мысли, что мне гораздо больше нравится видеть ее вне этой душной работы — когда на ее переносице нет этих дурацких очков, которые, кажется, ей вообще не нужны, когда она носит свою обычную, простую одежду вроде обтягивающих маек, свободных растянутых футболок, спортивных штанов и моей огромной толстовки. Эта домашняя Кендалл почему-то привлекает меня гораздо сильнее, чем я могу себе позволить, но...

Я продолжаю упрямо убеждать себя в том, что не спускаю с нее пристального взгляда лишь потому, что она практически не отходит от барной стойки, за последний час поглощая уже шестой по счету бокал шампанского. И я, черт возьми, ни разу не виню ее за это: наоборот, если бы парой часов до этого десятки мерзких, лощеных ублюдков-спонсоров пытались неумело со мной флиртовать, попутно высказывая свое экспертное недовольство тем, что главный пилот моей команды наотрез отказывается меня слушать — я быпил алкоголь целыми бутылками, а не аккуратными бокала-

ми. Именно поэтому я просто хочу лично убедиться, что она в итоге будет в порядке — что у нее не возникнет проблем с Кристианом, если тот случайно заметит ее нетрезвое состояние, или если кто-то достаточно безмозглый в этом зале решит нагло к ней подкатить.

— Некоторые гребаные люди здесь явно не в себе. — Будто прямо из ниоткуда сбоку от меня вырастает фигура Митча.

— Что случилось на этот раз?

— Один из спонсоров спросил, не хочу ли я плюнуть ему в виски.

— Фу, — морщусь я, — ты же предупредил его, что так велик шанс чем-нибудь заразиться?

— Очень смешно.

— Я и не смеялся. Просто предостерег бедолагу и только. МакРей хмыкает и делает небольшой глоток из своего бокала, внимательно прослеживая направление моего застывшего взгляда, который я не успеваю скрыть.

— Полагаю... я что-то пропустил?

— Не понимаю, о чем ты.

— Да брось. Не будь придурком. Мы оба знаем, что что-то не так.

— Я в порядке.

— Неужели?

— Ага.

— Тогда я могу... пригласить Хартман на свидание?

Вся моя спина в секунду напрягается даже если я знаю, что он просто нагло меня дразнит, но я упрямо не поднимаю на него глаз, продолжая неподвижно пялиться сквозь толпу на барную стойку.

— Делай что хочешь. Мне плевать.

— Хорошо, тогда я...

Митч уже делает уверенный шаг вперед, собираясь направиться к бару, когда я резко вскидываю руку и стальной хваткой перехватываю его за предплечье. Он тут же тормозит на месте, медленно поворачиваясь ко мне, и на его лице расплывается довольная, понимающая улыбка.

— Ну вот. Теперь мы оба понимаем, о чем я.

Мой лучший друг, с которым мы делили карт с пятилетнего возраста, спокойно возвращается на свое прежнее место рядом со мной и точно так же, как и я, принимается лениво вглядываться в пеструю толпу гостей.

— Ты же знаешь, что это может полностью разрушить ее карьеру, верно?

— Я бы никогда не сделал ничего подобного, — глухо отвечаю я, и это чистая правда.

— Тогда какого черта ты творишь, Грекхэм? Если об этом узнают...

— Здесь не о чем узнавать.

— Хорошо. Потому что если я лишусь своего лучшего инженера из-за того, что ты не смог удержать свой член в штанах...

— Я не собираюсь с ней спать.

— Оо, приятель, это она — не собирается спать с тобой.

А вот ты — явно на это рассчитываешь.

Между нами мгновенно повисает тяжелая, звенящая тишина, в которой отчетливо слышны лишь басы приглушенной музыки и светские разговоры. Я хочу возразить, поставить его на место, но все правильные слова намертво застревают в моем горле, потому что его глупая шутка слишком сильно похожа на правду.

— Я серьезно, Грекхэм, не делай глупостей.

— То есть... не вести себя как ты?

— Ну, я не собираюсь разрушать карьеру Кенни, — жестко отрезает он, мгновенно становясь серьезным, — поэтому нет, в этот раз можешь в точности повторить за мной и просто от нее отвалить.

Я бы и сам хотел сделать это, но по какой-то гребаной, необъяснимой причине просто не могу. Благо в следующую секунду МакРея настойчиво отзывают в сторону, чтобы сделать очередную фотографию с Кристианом и еще парой ключевых инвесторов, поэтому все, что мне теперь остается — это снова сосредоточить все свое чертово внимание на брюнетке, которая искренне терпеть меня не может, и на каком-то мудаке у барной стойки, который уже вплотную притерся к ней плечом и явно планирует обсуждать с ней далеко не завтрашнюю погоду.

Я делаю решительный шаг в их сторону, когда из толпы

рядом мне в спину доносится тихий, предупреждающий голос Митчелла:

— Роуэн.

— Хочу еще выпить, — вру я через плечо и целенаправленно иду прямо к бару.

Я бесшумно встаю прямо за ее спиной, делая вид, что просто жду, пока занятый бармен обратит на меня внимание, но... единственное внимание которое меня волнует — это ее. Мне до безумия хочется, чтобы она почувствовала мое присутствие, обернулась и посмотрела своими красивыми голубыми глазами на меня, а не на этого скользкого придурка в потрепанном костюме.

— ...работаешь на «Синих пантер»? У тебя... свой отдел маркетинга? — пьяно и нагло тянет незнакомец, и у меня внутри все сжимается от глухого раздражения.

— Да, я... вроде того, — тихо икает Кендалл, очевидно, просто не имея сил и желания спорить с ним в таком состоянии.

— Это круто! Мой отец — один из спонсоров Кавальерро, и моя фамилия часто мелькает на экранах. Может быть... тебе нужно будет мое интервью или что-то типа того?

— Кто знает, может, и так, верно?

— Супер! Тогда... я оставлю тебе свой номер на всякий случай, и... мы с друзьями сейчас собираемся в один местный закрытый бар, так что... если ты хочешь пойти...

— Она не хочет, — жестко вмешиваюсь я в их разговор,

делая шаг вперед, но Кендалл упрямо даже не оборачивается в мою сторону. — Ее смена начинается ровно в восемь утра, и... вряд ли это будет возможно, будь у нее похмелье.

— Вы... знакомы?

— Да.

— Нет, — одновременно со мной резко отвечает Хартман, все еще глядя в сторону.

— Просто мероприятие уже заканчивается... — не унижается парень, пытаясь меня игнорировать.

— Как и мое терпение, — спокойно уведомляю я ублюдка, делая свой голос максимально тихим и опасным.

— ...и было бы круто продолжить этот вечер дальше.

— Боюсь, у нее на сегодня совершенно другие планы.

— Неужели? — недовольно морщится Кендалл, наконец лениво оборачиваясь ко мне всем телом.

— Ага. Тебе еще предстоит долгие объятия с унитазом и...

— Прекрати себя так вести, Грекхэм.

— Как только ты перестанешь притягивать к себе неприятности.

— По-твоему, я делаю это? Это *ты* каждый раз все мне портишь!

— Оо, так я помешал твоему свиданию? Прости, что обломал тебе пьяный секс с этим придурком.

— У тебя всегда все сводится к тому, что я обязательно должна с кем-нибудь переспать?

— Поверь мне, красавица, я делаю все возможное, чтобы этого не произошло.

Несмотря на свое сильное опьянение, Кендалл выглядит так, будто готова рвать и метать, ведь стоило мне надавить на ее ухажера, как от того не осталось и следа — он быстро затерялся в толпе гостей, поэтому девушка тяжело выдыхает через нос, упрямо не спуская с меня своих горящих глаз:

— Знаешь что? С меня достаточно. Я возвращаюсь в свой номер.

Она медленно поднимается с высокого барного стула и неловко тянется за своей маленькой сумочкой, лежащей на стойке, но в ту же секунду полностью теряет равновесие. Я успеваю мгновенно среагировать и подхватить ее за предплечье, когда тонкий ремешок выскальзывает из ее пальцев, и все содержимое ее сумочки с глухим стуком оказывается рассыпано по полу. Несколько стоящих поблизости гостей тут же начинают с интересом оборачиваться на шум, готовые впиться взглядами в любое «непрофессиональное поведение» ведущего инженера нашей команды, но...

Митч, заметив назревающую катастрофу в толпе неподалеку, реагирует молниеносно: он тут же неестественно громко смеется, моментально привлекая к себе все внимание ближайшей группы спонсоров, начинает активно жестикулировать и выдавать шутку за шуткой.

— Ты одна сплошная неприятность, Хартман, — сквозь плотно сжатые зубы шиплю я, быстро присаживаясь на кор-

точки, чтобы собрать ее разлетевшиеся вещи и вернуть их обратно. — Идем.

Я резко поднимаюсь, крепко хватаю ее за тонкую талию одной рукой и, стараясь не привлекать к нам лишнего внимания со стороны прессы, уверенно вывожу ее из душного зала в прохладный холл отеля. Кендалл практически не сопротивляется моей хватке — она слишком пьяна, ее голова бессильно клонится к моему плечу, а ноги едва передвигаются по мягкому ковру, пока я практически на себе тащу ее в сторону лифтов.

— Какой у тебя номер?

Я недовольно хмурюсь, осторожно прижимая ее спиной к стене у самого дальнего, скрытого от посторонних глаз лифта, чтобы у нее была хоть какая-то надежная опора и она не сползла на пол прямо у меня на глазах.

— Тебе-то какое дело, Грекхэм? Я не приглашала тебя подняться ко мне.

— И поверь мне, красавица, это до безумия расстраивает меня, но... завтра тебя расстроит грядущее увольнение, если Кристиан или совет директоров увидят тебя пьяной.

— Тебе-то какое дело? Разве это не то, что ты хочешь?

— Просто назови свои гребаные цифры, Кендалл. Я не нанимался тебе в няньки и...

— Тогда почему бы тебе не отвалить от меня?

Тяжелые двери банкетного зала позади нас с глухим стуком распахиваются, и первые шумные группы гостей в доро-

гих смокингах и вечерних платьях начинают медленно вытекать в просторный холл отеля. Смех, звяканье бокалов и громкие пьяные разговоры мгновенно заполняют пространство вокруг нас, отрезая пути к отступлению. Если нас увидят вместе в таком положении, поползут слухи, которые Кристиан точно не оставит без внимания.

— Если ты скажешь мне свой номер — я отдам тебе что-нибудь еще из своего гардероба, идет?

— Что именно?

— Все, что захочешь, красавица.

— Мне нужно подумать... что насчет рубашки?

— Хочешь... чтобы я снял свою рубашку? Прямо сейчас?

— Что? Фу! Я говорю не об этой, а о той... из Джидды.

Я на секунду зависаю, судорожно пытаюсь вспомнить, что на мне вообще было надето в тот проклятый день, когда мы оба остались без самолетов и больше пяти часов добирались до отеля на арендованной машине, но... память упрямо подсовывает совсем другие картинки — я с абсолютной легкостью могу вспомнить, в чем была Кендалл, когда я помогал ей перелезть через заклинившую дверь туалета на заправке, но на мне самом... тогда, я кажется, был в обычном стандартном мерче «Синих пантер» с кучей спонсорских нашивок, которого у нее самой должно быть достаточно.

— Зачем тебе две одинаковых?

— Зачем тебе хотя бы одна? — парирует она, качнувшись в сторону и едва не теряя равновесие на своих каблуках.

Но я вовремя ловлю ее за локоть, когда пьяная толпа за нашей спиной становится заметно громче, смазанные голоса спонсоров приближаются к нашему углу, и я отчетливо понимаю, что нам обоим нужно срочно отсюда сваливать, пока не стало слишком поздно.

— По рукам. Рубашка твоя. Назови цифры.

— Пятьсот семнадцать, — закатывает она глаза, едва удерживая фокус на моем лице.

Я тут же заталкиваю ее в просторную кабину лифта, как только металлические двери плавно разъезжаются перед нами, и нажимаю на кнопку пятого этажа. Мне по-прежнему приходится крепко держать ее в своих руках, потому что Кендалл то и дело безвольно жмет к моей груди, стараясь не упасть: ее длинные темные ресницы мелко дрожат, а глаза то и дело закрываются — она едва ли не засыпает на ходу, пока лифт плавно везет нас наверх.

— Давай карту, — киваю я ей, когда мы наконец оказываемся в тихом коридоре перед деревянной дверью под номером пятьсот семнадцать.

— Она в моей сум-сумочке.

Я забираю из ее рук маленькую кожаную сумку, тут же нетерпеливо лезу внутрь и начинаю переворачивать все ее содержимое вверх дном в поисках пластикового ключа.

— Ее здесь нет, — хмурюсь я, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. — Проверь карманы.

— Я похожа на парня, чтобы распахивать по ним вещи?

Зачем мне, по-твоему, сумочка?

— Проверить! — настаиваю я, со вздохом заглядывая в пустое внутреннее отделение. — Сумка пуста. Здесь одно барахло.

— Это не барахло, Грекхэм! Мне все это нужно.

— На кой черт тебе сертификат на букет цветов?

— Один из ваших спонсоров решил, что подарить пластиковую карточку и самой выбрать себе цветы — это то же самое, что получить их от него.

— И кто это сделал? — хмрюсь я еще сильнее, вытаскивая какой-то глянцевого прямоугольник.

— Тот странный тип, что попросил МакРея плюнуть ему в бокал.

— А говорят, романтиков больше не осталось, — я едва сдерживаю усмешку, качая головой. — И что ты выберешь?

— Предпочту пить из закрытых бутылок, если у Митча войдет в привычку оставлять свою слюну в чужих напитках.

— Я о цветах.

— Не зна-знаю, может быть, белые тюльпаны или пионы, что-нибудь белое и... знаешь, что еще белое?

Ее голос звучит непривычно мягко и почти интимно, когда ладони Кендалл медленно скользят вверх по моим рукам, поднимаются к плечам и слегка тянут меня на себя, заставляя наклониться ниже. Расстояние между нами сокращается настолько, что я чувствую теплое дыхание на своей коже и невольно задерживаю взгляд на ее полуоткрытых губах, а в

моей голове за секунду проносятся сразу несколько грязных вариантов того, что именно белое ее сейчас так сильно интересует.

— И что же?

— Чертовы простыни в моем номере. Еще сек-секунда, и я вырублюсь прямо здесь, Грекхэм!

— В твоей сумочке ее нет. Должно быть, выпала, когда ты по пьяни устроила дебош у бара и...

— Дебош?! Я просто... поскользнулась.

— На пяти бокалах шампанского?

— Их было больше, — почти гордо морщится она, забавно вздернув нос.

Я тут же злюсь на то, что вообще ввязался во все это: я не должен ей помогать, она ведь бесит меня каждым своим словом и действием, но какого черта я не могу просто развернуться, оставить ее здесь и уйти в свой номер?

— Идем, — я снова уверенно обхватываю ее за талию и тащу обратно к лифтовой шахте. — Останешься у меня.

— Ты с ума сошел? — тихо смеется она, делая слабую попытку вырваться из моего захвата. — Этого не будет, Роуэн.

— У тебя есть идеи получше?

— Ага, заночевать в коридоре.

— Слушай, — я торможу у лифта, снова нажимая на кнопку вызова, — если мы сейчас спустимся на ресепшен за новым ключом, кто-нибудь обязательно заметит нас вместе. Особенно в твоем таком состоянии. И поверь мне, ничем хо-

рошим для тебя это не кончится.

— Я молодая женщина, Грекхэм, мне по закону разрешено пить в нерабочее время.

— Ага, Гэри тоже так думал — но после Гран-при в Монако он больше не пьет вообще. А это было в 2009 году.

Она задумчиво замолкает, пока мы возвращаемся в открывшуюся кабину лифта, но так и не нажимает на кнопки панели управления.

— У меня чертов люкс, красавица, — я закатываю глаза, устав спорить с ее упрямством. — Займешь мою кровать, пока не протрезвеешь, а утром спокойно восстановишь свою ключ-карту и успеешь собраться у себя в номере до отъезда на трассу.

— Но если Кристиан узнает об этом...

— И кто скажет ему об этом? Ты? Или, по-твоему, я захочу на досуге похвастаться, как провел с тобой ночь? Таким обычно не хвастаются, Хартман.

Кендалл тут же послушно замолкает, прикусив губу, и я уверенно нажимаю на кнопку шестнадцатого этажа, но... она сразу же отстраняется от меня, неловко облокачиваясь спиной на зеркальную стену лифта и глядя в пол, пока я держу в руках ее сумочку и изо всех сил стараюсь не думать о том, как глупо и двусмысленно прозвучали мои собственные слова.

Когда лифт останавливается на нужном нам этаже, я уже тянусь к ее локтю, чтобы помочь выйти, но она demonstra-

тивно, почти спотыкаясь о собственные ноги, первая упрямо выходит в пустой коридор, заставляя меня лишь тяжело вздохнуть ей вслед. Я быстро обхожу ее на полпути к своему номеру, прикладывая карту к замку, открываю тяжелую дверь и тут же вставляю ключ в слот, позволяя мягкому, приглушенному свету озарить просторную прихожую.

Внутри моего люксового номера царит тихая, умиротворяющая ночная атмосфера: сквозь огромные панорамные окна в пол мягко пробивается далекий неоновый свет набережной и дорогих яхт, отражаясь на темном паркете. Я прохожу вглубь комнаты к своему гардеробу, открываю дверцу и первым делом достаю чистые спортивные штаны на завязках и свободную хлопковую футболку.

— Извини. Это все, что я могу предложить, как альтернативу пижаме.

Я возвращаюсь к ней и передаю аккуратную стопку вещей, пока она стоит в прихожей и неловко сбрасывает с ног свои туфли на высоких каблуках.

— Ага.

Кендалл недовольно кривится, забирает одежду и тут же скрывается за дверью моей ванной комнаты, будто мои прошлые слова чем-то ее задели. Я снова тяжело выдыхаю, качая головой, и возвращаюсь в гостиную зону к небольшому кожаному диванчику, который стоит неподалеку от огромной двуспальной кровати — скидывая с него мягкие декоративные подушки на пол, я мысленно молюсь, чтобы его скром-

ной длины хоть как-то хватило для моего немаленького роста. Под глухие звуки льющейся воды из душа я быстро стягиваю с себя плотную одежду, оставаясь в домашних шортах, и пробую заправить диван запасной простыней и одеяльником без самого одеяла, когда на тумбочке у кровати внезапно загорается экран моего телефона, оповещая о пришедшем смс:

Тупица: Она в порядке?

Я: Понятия не имею о ком ты, Митч

Тупица: Значит... ты не против если я зайду?

Я: Только попробуй!

Тупица: Это не смешно, Роуэн

Я: Я уступил ей свою гребаную кровать, так что не смей на меня наезжать! Она пьяная в стельку, чтобы мы могли разобраться с ее ключ-картой

Тупица: Значит... ты не стащил ее сам, пока подбирал ее вещи за баром?

Я: Чего?! Нет! За кого ты вообще меня принимаешь?!

Из ванной внезапно доносятся странные, глухие звуки, до ужаса напоминающие то, будто кто-то не удержался на ногах и с размаху упал прямо на скользкую плитку. Мое сердце моментально совершает кульбит, и я буквально в пять широких шагов пролетаю расстояние через комнату к двери. Я уже заносу руку, чтобы требовательно постучать, когда тяжелая деревянная дверь резко распаивается, и Кендалл практически налетает на меня, едва удерживаясь на ногах.

— Ты в порядке? — хмурюсь я, внимательно оглядывая ее с ног до головы, хотя она изо всех сил старается держаться прямо и выглядит так, будто абсолютно ничего не произошло.

— Ага.

Я медленно скольжу взглядом по ее лицу, и у меня на секунду перехватывает дыхание. Кендалл без косметики выглядит невероятно юной и чертовски нежной: ее чистая, слегка розоватая кожа сияет после горячей воды, пухлые губы кажутся еще ярче, а на длинных ресницах дрожат мелкие прозрачные капли. Огромные голубые глаза смотрят на меня слегка затуманенно, а мокрые темные локоны крупными волнами рассыпаются по плечам, мгновенно пропитав влагой воротник моей черной футболки, которая сидит на ней как платье, полностью скрывая спортивные штаны.

— Ладно.

Я киваю и нехотя отодвигаюсь в сторону с узкого прохода, позволяя ей наконец протиснуться мимо меня и выйти из ванной, после чего быстро закрываю за собой дверь и вхожу туда сам. Я включаю ледяную воду, забираюсь под душ за черным тонированным стеклом и блаженно подставляю лицо под сильные струи. Горячий пар и потоки воды медленно, но верно расслабляют мои забитые мышцы, пока я изо всех сил стараюсь полностью игнорировать жесткий, болезненный стояк, упрямо напоминая себе о границах и уважении к этой девушке.

Я выбираюсь из-под воды спустя пятнадцать минут, на ходу вытираясь полотенцем и натягивая домашние шорты, искренне надеясь на то, что Кендалл уже крепко спит на моей кровати. Но как только я открываю дверь и оказываюсь в основной части номера, я моментально понимаю, что вся эта дурацкая затея с ее ночевкой у меня была худшей идеей в моей жизни. Мало того что она полностью выключила везде свет, так еще и наглухо задернула тяжелые блэкаут-шторы, погрузив просторную комнату в абсолютную, кремешную тьму, которая тут же начинает давить мне на виски.

Стараясь не шуметь и почти не дышать, я осторожно крадусь вдоль стены к своему разложенному дивану, изо всех сил стараясь подавить холодные тиски паники, которые снова начинают сжимать мою грудь в темноте. Я уже собираюсь со вздохом облегчения присесть на край, чтобы наконец развалиться и закрыть глаза, как вдруг чувствую под своим задом что-то мягкое и теплое, что заставляет меня мгновенно подпрыгнуть на месте.

— Какого черта?! — одновременно отзываемся мы, и Хартман зажигает тусклый, мелкий луч прикроватной лампы, шурясь от резкого света.

— Что ты здесь делаешь? — хмурюсь я, потирая ушибленное бедро. — Я же положил тебя на кровать.

— Ты издеваешься? Ты на этот диван и по колено не влезешь.

— Поэтому *ты*должна занять его?

— Ты не можете явиться на трассу разбитым потому, что не выспался, Роуэн.

— Теперь тебя волнует моя разбитость?

— Ты прав, перегнула. За три месяца я давно должна была привыкнуть к твоему мудатскому настроению.

— Мудатскому настроению? И что это, черт возьми, значит?

— Это значит, что ты ведешь себя как придурок, Роуэн! Не знаю, в какие игры ты играешь, вчера одно, сегодня другое, но...

— Ты просто пьяна, красавица, и...

— Ты это серьезно?!

Она резко вскидывает голову, и в слабом золотистом свете лампы ее голубые глаза кажутся опасно блестящими от подступивших слез. Кендалл сидит на диване, поджав под себя ноги, и выглядит так, будто прямо сейчас готова выговорить мне абсолютно все свои обиды, которые она упрямо копила в себе все эти долгие месяцы совместной работы.

— Теперь я виновата, потому что выпила? Ох, ну да, извини, порчу твой очередной вечер своей компанией. Это все-таки не модели, которыми ты бы с удовольствием похвастался Кристиану и всей команде «Синих пантер».

Между нами мгновенно повисает тяжелая, звенящая тишина, в которой слышно лишь то, как часто работает кондиционер. Кендалл тяжело, прерывисто дышит, и я отчетливо вижу, как мелко дрожат ее тонкие пальцы, изо всех сил вце-

пившиеся в край хлопкового одеяла.

— Знаешь что? — тихо выдыхает она, рывком поднимаясь на ноги прямо передо мной. — Мне лучше уйти. Я найду Кристиана и сама все ему расскажу. Он поможет мне восстановить ключ от моего номера и...

— Я сделал что-то не то? — негромко перебиваю ее я, и она внезапно замирает на полуслове, так и не сделав шаг к двери.

— Что?

— Ты хочешь уйти. Почему? Я сделал что-то не то?

— Роуэн, я...

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Зачем ты делаешь это? — едва слышно шепчет она, растерянно качая головой.

— Я ничего не делаю.

Я делаю один медленный, уверенный шаг еще ближе к ней, сокращая и без того крошечное расстояние между нашими телами до самого минимума.

— Нет, делаешь! Ты постоянно это делаешь, Грекхэм! — она внезапно срывается на крик, подкрепленный накопленной за неделю дикой усталостью и выпитым алкоголем. — В один день ты проявляешь заботу, пытаешься мне как-то помочь, а потом... потом ты превращаешься в мудилу, который хамит мне на брифинге просто потому, что я попросила его не убиться на запретном вираже на скорости триста километров в час!

Она выглядит невероятно живой и притягательной, когда так отчаянно злится, даже несмотря на то, что явно едва стоит на ногах от сильного опьянения.

— Мне жаль, Грекхэм, что судьба наказывает тебя общением со мной, но не обязательно говорить мне в лицо, что я не привлекаю тебя как девушка. Это и так понятно по твоему отношению ко мне, но...

— Тебе лучше закончить на этом, Кендалл. Прекрати нести этот бред, иначе мне придется доказать тебе обратное.

— Ты не можете говорить мне такие вещи! — выкрикивает она, резко вскидывая руки и пытаясь изо всех сил оттолкнуть меня в грудь, но от этого движения лишь сильнее вжимается в узкое, горячее пространство между нами. — Я не очередная твоя фанатка, которая снимет свое белье, едва оказавшись в твоём номере.

— В прошлый раз, когда мы пересекались в отеле — на тебе вообще белья не было.

Мои слова бьют точно в цель, и кажется, это задевает ее еще сильнее. Симпатичные щеки Кендалл моментально заливаются густой, яркий румянец, который сейчас больше похож на что-то гораздо большее, чем просто стыд или ярость вместе взятые. Она судорожно вдыхает воздух и уже делает резкое движение в сторону, собираясь обойти меня и поскорее уйти из этого номера, но я просто физически не могу допустить ее ухода. Только не сейчас, когда она так близко.

Я реагирую молниеносно: перехватываю ее поперек тон-

кой талии, напрочь лишая возможности сделать шаг, крепко прижимаю ее спину к своей полностью обнаженной груди и прыгаю вместе с ней прямо на широкую двуспальную постель.

— Ты ненормальный?! Отпусти меня, Роуэн! Немедленно!

— Обязательно, — хрипло обещаю я, легко перехватывая ее сопротивляющиеся запястья и мягко, но предельно уверенно разворачивая ее под своим весом на спину.

Теперь я полностью нависаю над ней, надежно фиксирую ее тело и упираясь локтями в упругий матрас по обе стороны от ее растрепанной головы.

— Завтра утром.

— Что? Я не собираюсь спать с тобой!

— Митч мне сегодня сказал о тебе то же самое.

Я тихо хмыкаю, чувствуя, как ткань моих тонких темных шорт едва скрывает то, насколько сильно наэлектризована сейчас вся эта ситуация и мое собственное тело от ее близости. Воздух между нашими губами буквально плавится от бешеного напряжения, а ее цветочный запах полностью забивает мне легкие.

— Но у тебя был выбор, красавица. Ты могла остаться тут совершенно одна, но, видимо, мне придется составить тебе компанию.

— Еще чего!

— Ты же сама сказала — я не могу спать на этом диване,

— напоминаю я ей низким голосом, и мой взгляд против воли соскальзывает на ее изящную шею, где у самой ключицы бешено бьется частый пульс.

— Это было до того, как ты начал меня раздражать и... соблазнять одновременно.

— Это в тебе говорит алкоголь.

— Это во мне говорит отсутствие секса.

— Знаешь, я... я бы мог тебе с этим помочь.

— Конечно, — снова флиртуя и чертовски лениво тянет она, глядя на меня из-под полуопущенных ресниц. — Будь другом и перестань распугивать моих ухажеров.

— У тебя отвратный вкус на мужчин, Кендалл.

— Конечно. Я же в итоге оказалась в твоей постели.

— Я буду считать это комплиментом.

— Я бы назвала это благотворительностью.

— Я уже говорил, насколько мне нравится твой язык?

Я шепчу это у самых ее губ, ощущая, как сильное физическое влечение к ней становится почти болезненным, стягивая все мышцы вниз живота. Кендалл шумно выдыхает и инстинктивно, едва заметно подается всем телом навстречу моему, полностью прекращая борьбу. Я внимательно наблюдаю за тем, как ее тяжелое дыхание постепенно выравнивается, становясь глубоким и спокойным, а былая ярость окончательно капитулирует перед накатившей мертвой усталостью.

— Господь, кто ты и что сделал с Роуэном Грекхэмом?!

— она едва выговаривает слова пересохшими губами, веки

ее становятся слишком тяжелыми. — Пожалуй, я... действительно напилась...

Я позволяю себе задержаться в этом положении еще на одно короткое мгновение, просто чтобы посмотреть на нее настоящую — без ее колючей защиты, когда она чувствует себя в полной безопасности, выглядит такой расслабленной и почти хрупкой на моих белых простынях. Я аккуратно, едва касаясь пальцами теплой кожи, заправляю выбившийся влажный локон ей за ухо, чтобы он больше не щекотал ей кончик носа. Я заставляю себя медленно отстраниться от нее и уже собираюсь подняться, чтобы наконец лечь на тесный диван, но в ту же секунду замираю на краю кровати.

В груди привычно поднимается холодная, удушливая волна паники, когда я понимаю, что сейчас мне придется выключить эту лампу и остаться один на один с крошечной, черной тьмой. Именно по этой гребаной причине я никогда ни с кем не встречаюсь по-настоящему и уж тем более никогда не позволяю женщинам оставаться у меня на ночь.

— Ты не... я могу оставить где-нибудь немного света? — я спрашиваю это негромко, оборачиваясь к ней, и мой голос в тишине номера звучит непривычно серьезно, почти уязвимо.

— Да я...

Она отвечает уже в глубокой полудреме, даже не открывая глаз. Ее теплая рука лениво нашаривает мою ладонь на покрывале и мягко накрывает ее своими тонкими пальцами, слегка сжимая:

— Ты можешь остаться со мной. Чтобы... *мне* было страшно.

В любых других обстоятельствах я бы цинично рассмеялся или хотя бы издевательски хмыкнул, но прямо сейчас передо мной лежит чертова Кендалл Хартман. Девчонка, которая на трассе без колебаний спорит с механиками и не боится вообще ничего, а уж тем более обычной темноты в безопасном номере. Я прекрасно понимаю ход ее мыслей: она просто пытается прикрыть меня передо мной же самим. Кендалл точно знает, что я физически не переношу темноту и замкнутые пространства после всего, что произошло в моем детстве, но она оказывается слишком деликатной и просто не хочет смущать меня моей слабостью.

В груди разливается странное, непривычное тепло, смешанное с удивлением — эта колючая девчонка оказывается слишком невероятной для подобных чутких поступков.

Я осторожно тянусь к выключателю на стене, но не гашу свет полностью, а лишь убавляю его яркость до едва заметного золотистого свечения, после чего медленно откидываюсь на спину поверх одеяла прямо рядом с ней. Я изо всех сил заставляю себя не думать о том, как сильно мне хочется притянуть ее к себе, крепко обнять за талию, уткнуться лицом в изгиб ее шеи и вдохнуть этот сладкий цветочный запах, смешанный с ароматом моего собственного кондиционера на одежде, но...

Я просто лежу и неподвижно смотрю в высокий белый по-

толок, кожей ощущая ровное тепло ее тела. Она спокойно засыпает в моей постели, пока я думаю о том, что завтра в боксах смотреть ей прямо в глаза будет самой сложной задачей в моей жизни, ведь...

Мой взгляд снова и снова невольно скользит к креслу у стены напротив, где на спинке висят мои брюки, в глубоком кармане которых лежит пластиковая ключ-карта от ее номера. Та самая, которую я незаметно подобрал с пола у бара, но так и не вернул ей. И я понятия не имею, почему я этого не сделал.

Пит-стоп №10. Кенд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.